

**Сергей Белановский
Михаил Дмитриев
Светлана Мисихина
Татьяна Омельчук**

**ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ**

**Фонд «Центр стратегических разработок»
в сотрудничестве с Российской академией народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации**

Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
ЧАСТЬ 1. ТЕКУЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ХОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	7
1.1. Рокировка тандема и ее политические последствия	7
1.2. Старение политических брендов	9
1.3. Проблема обновления риторического ресурса	14
1.4. Снижение эффективности партийного манипулирования	166
1.5. Представительство оппозиционных групп и протестные настроения	17
1.6. Роль пассивного большинства в ускорении политических изменений	22
1.7. Экономические причины роста политической напряженности	25
Основные выводы	299
ЧАСТЬ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ЕЕ ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	31
2.1. Исследования и оценки среднего класса в России в 1990-2000-х гг.	32
2.2. Становление биполярной структуры общества во второй половине 2000-х гг.	34
Основные выводы	52
2.3. Два поколения бэби-бумеров и их роль в изменении социальной структуры	54
Основные выводы	64
ЧАСТЬ 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	65
3.1. Среднесрочные политические изменения	65
3.2. Долгосрочные политические изменения в условиях политической стабильности	67
Основные выводы	69
Заключение	71

Введение

За полгода, прошедшие со времени появления первого доклада ЦСР о политическом кризисе, темп политических перемен возрос. При этом становится все очевиднее, что приближение выборов – далеко не единственная причина.

Наш первый доклад в момент его появления был воспринят многими как необоснованно радикальная попытка авторов «выдать желаемое за действительное». Но последующее развитие событий показало своевременность и обоснованность его появления. Многие прогнозы и выводы, сделанные в предыдущем докладе, сегодня уже реализовались, а вероятность осуществления ряда других его положений существенно возросла.

Судя по всему, это произошло потому, что весной 2011 г. нам удалось корректно сформулировать внутреннюю логику политического процесса на стадии падения доверия населения к власти. Наши выводы мы сделали на материалах социологических исследований - прежде всего фокус-групп, которые обладают повышенными прогностическими возможностями на интервалах 6-9 месяцев. Но важно подчеркнуть, что речь шла именно о раскрытии внутренней логики процесса, а не о механической экстраполяции трендов. В докладе мы показали, что падение доверия к власти постепенно приобретает характер самоускоряющегося процесса. При этом каждое новое событие в цепи политических перемен служит катализатором других аналогичных событий, ведет к радикализации общества и способствует повышению темпа дальнейших изменений.

К числу реализовавшихся положений первого доклада, сформулированных в соответствии с указанной логикой, относятся:

- продолжающееся старение политического бренда В.Путина и рост его антиэлектората;
- неизбираемость Д.Медведева на пост президента;
- негативная реакция общества на рокировку тандема и последовавшая за ней радикализация общественного мнения;
- усиление критических настроений по отношению к власти в интернете и СМИ (включая телевидение);
- массовое распространение политической сатиры и возрождение жанра политических анекдотов;
- падение эффективности риторики партии власти и первых лиц, включая тенденцию к негативному восприятию даже наиболее конструктивных программных положений, выдвигаемых партией власти;
- перехват эффективной политической риторики внесистемными оппонентами;

- дальнейший рост протестных настроений, особенно в крупных городах;
- формирование «критической массы» оппонентов власти;
- нарастание морально-психологического давления массовых групп оппонентов власти на колеблющихся и конформистски настроенных людей и ускорение их перехода в ряды оппонентов;
- появление признаков внутреннего раскола элит, выражющееся, в частности, в том, что ряды сторонников власти начинают покидать руководители и эксперты высокого уровня;
- появление массового запроса на новые политические фигуры на посту президента и премьер-министра.

Исходя из логики наблюдаемого политического процесса, в нашем первом докладе мы сформулировали ряд рекомендаций, которые могли бы смягчить напряженность политического кризиса и способствовали бы формированию более открытой и конкурентной политической модели.

Однако эти рекомендации либо не были приняты во внимание (например, регистрация новых политических партий на правом фланге, отказ от массового злоупотребления административным ресурсом на выборах в пользу «Единой России» и курс на формирование коалиционного правительства после выборов во главе с новым премьер-министром), либо были реализованы неудачно (попытка воссоздания управляемой парламентской оппозиции на правом фланге с участием Михаила Прохорова).

Такие действия свидетельствуют о недостаточном понимании властями происходящих на их глазах изменений, а также о существенной недооценке политических рисков и потенциала их дальнейшего усиления. Как уже было отмечено в предыдущем докладе, это нередко случается с политическими лидерами в подобных условиях. Руководству начинает изменять политическая интуиция, которая в прошлом помогала успешно выходить из затруднительных ситуаций и добиваться поддержки населения. Как мы и предупреждали в первом докладе, действия властей становятся все более направлены не на предупреждение вероятных событий, а на запоздалое и недостаточное реагирование на события, которые уже состоялись и ведут к необратимым последствиям. Подобный пассивный подход не позволит предотвратить дальнейшее саморазвитие политического кризиса, которое, как было показано в первом докладе, со временем ведет к его переходу в острую и неуправляемую fazu.

Поскольку развитие событий пока соответствует нашим первоначальным предположениям в рамках инерционного сценария кризиса, повышается вероятность осуществления и ряда других прогнозов, в частности:

- восприятие результатов парламентских и президентских выборов как «нечестных» и нелегитимных;

- протестный характер предвыборной кампании оппозиционных партий и массовое голосование за них из протестных соображений, безотносительно к содержанию их политических программ;
- роль парламентских и президентских выборов как катализатора дальнейшей радикализации оппонентов власти;
- сужение возможностей для проведения ответственной экономической политики и назревших структурных реформ в период после президентских выборов;
- переход общественного недовольства в стадию массовых открытых протестов против власти.

Время для сравнительно безболезненных политических действий, способных замедлить развитие кризиса и смягчить его течение, уже безвозвратно утрачено. Но в запасе властей все еще остаются эффективные ходы, которые помогли бы предотвратить опасную радикализацию общества и снизить угрозу острой конфронтации между обществом и властью.

В частности, по-прежнему актуальной является затронутая в предыдущем докладе тема создания после парламентских выборов коалиционного правительства с участием партий парламентской оппозиции и во главе с новым премьер-министром. Для того чтобы эта мера оказалась по-настоящему результативной, на этот пост должна быть выдвинута свежая кандидатура яркого и достаточно независимого политика. Он должен обладать харизматическими качествами, позволяющими успешно обновить риторический контент и сформировать эффективный персональный стиль взаимодействия с обществом.

Появление такой фигуры направлено на удовлетворение растущего спроса на новых лиц в высшем руководстве страны. Последние данные Фонда Общественное Мнение показывают, что сохранение тандема в составе Медведева в качестве президента и Путина – премьер-министра поддерживают лишь 6% респондентов. 41% респондентов пока согласны с официально объявленным вариантом Путин – президент, Медведев – премьер-министр. Но 37% респондентов поддерживают варианты тандема, не включающие хотя бы одного из этих политиков (при этом 26% уже предпочитают не иметь в составе тандема ни Путина, ни Медведева). Эти данные представляют разительный контраст по сравнению с социологическими данными двух-трехлетней давности, когда респонденты категорически отказывались обсуждать возможность выдвижения альтернативных политических лидеров.

В сложившейся ситуации появление нового яркого и самостоятельного лидера на посту премьер-министра могло бы существенно разрядить политическую напряженность, которая, скорее всего, обострится после парламентских выборов.

Наряду с подтверждением наших первоначальных предположений, последние девять месяцев дали дополнительный материал, позволяющий

расширить горизонт нашего политического анализа. Появилась возможность рассмотреть текущие события в свете более долгосрочных тенденций, природу которых мы постарались исследовать в нашем новом докладе.

Опираясь на дополнительные данные, мы постарались показать, что происходящие политические изменения обусловлены не только внутренней логикой политической системы, но и внешними по отношению к ней изменениями в российском обществе. Совместное их влияние задает для политического процесса определенные рамки и повышает вероятность отдельных сценариев политической трансформации.

Цель настоящего доклада – прояснить механизм предстоящей политической трансформации с учетом текущих и долгосрочных тенденций, которые во многом уже вышли из-под контроля политических лидеров и поддерживающих их структур.

В отличие от первого доклада, в основе которого лежали преимущественно наши собственные социологические материалы, в данном докладе мы опираемся, прежде всего, на внешние источники информации. Среди них хотелось бы особо отметить превосходное исследование Института социологии РАН о развитии среднего класса.¹ На наш взгляд, экспертное сообщество еще не успело по достоинству оценить политическое значение результатов этой работы.

Доклад состоит из трех частей. В первой части мы анализируем текущие изменения в политической системе, имеющие наибольшее значение для понимания ее дальнейшей эволюции. Во второй части мы рассматриваем структурные изменения в обществе, которые будут влиять на ход политической трансформации. В третьей части, опираясь на полученные результаты, мы даем сравнительную оценку среднесрочных и долгосрочных сценариев политических изменений.

¹ Тихонова Н.Е, Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. Москва, Издательский дом «Альфа-М» - 2009 г.

ЧАСТЬ 1. ТЕКУЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ХОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В данном разделе мы коротко проанализируем текущие политические процессы, которые могут повлиять на дальнейший ход политической трансформации. Большинство из них ведет к ослаблению действующей политической системы и повышает вероятность ее изменения.

Ниже мы рассмотрим следующие вопросы:

1. Рокировка тандема и ее политические последствия.
2. Старение политических брендов.
3. Исчерпание риторического ресурса и проблема его обновления.
4. Снижение эффективности партийного манипулирования.
5. Представительство оппозиционных групп и протестные настроения.
6. Роль пассивного большинства в ускорении политических изменений.
7. Экономические причины роста политической напряженности.

1.1. Рокировка тандема и ее политические последствия

По своим последствиям рокировка тандема выходит далеко за пределы формальной перестановки высших должностных лиц.

Влияние принятого решения на общественные настроения нуждается в социологической проверке, но уже сейчас обращает внимание асимметричный характер его последствий. Они не тождественны школьному правилу арифметики, гласящему, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Судя по всему, совокупный политический бренд тандема в результате рокировки понес невосполнимые потери.

Как мы указывали в нашем первом докладе, материалы фокус-групп свидетельствуют, что такое решение создает дополнительные риски для политической системы. Важно не только то, что у заметной части участников фокус-групп такое решение вызывало неодобрение или даже осуждение в силу его манипулятивного характера.

В социальном плане формирование тандема оказалось для власти неожиданно удачной находкой. Оно почти непреднамеренно совпало с процессом растягивания общества на полюса с несовместимыми ценностями и политическими ожиданиями, ускорившимся как раз во второй половине 2000-х гг. (основные особенности этого процесса представлены в Части 2). Как будет показано в следующем параграфе, апеллировать с единообразным контентом к идеологически расходящимся полюсам социального влияния становится для вертикали власти все труднее.

В тандеме сложилась естественная специализация, в рамках которой Путин и Медведев апеллировали к противоположным социальным полюсам. Бренды участников тандема взаимно дополняли друг друга, маскируя накапливающиеся противоречия между этими полюсами. Персональный бренд Медведева в большей степени апеллировал к той части населения, которая ожидает ускорения модернизации страны. Бренд Путина работал в основном на традиционалистскую часть российского избирателя.

И хотя фокус-группы показывали, что модернизационный бренд Медведева быстро слабел, он по-прежнему сохранял определенный консолидирующий потенциал для сторонников модернизации в элите и обществе. В условиях социальной поляризации это повышало гибкость вертикали власти и замедляло эрозию ее политической базы.

Рокировка тандема обнажила политическую несамостоятельность Медведева и лишила его качеств, которых ожидают от консолидирующего лидера общероссийского масштаба. Можно предположить, что персональный бренд Медведева как политический актив утратил самостоятельную ценность и ныне ослабляет, а не усиливает власть.

Имиджевые потери тандема в результате рокировки невосполнимы, поскольку поддержка, утраченная Медведевым, не передается Путину и ослабляет совокупную политическую базу тандема. Особенно ощущимо это на правом фланге избирателя, который в плане персонального политического лидерства оказывается недопредставлен по сравнению с другими группами избирателей.

Бренд Путина пострадал в результате рокировки значительно меньше, но оказался один на один с проблемами своего политического старения и невозможностью одновременно апеллировать к обоим общественным полюсам.

Рокировка тандема ослабила перспективы самоизменения власти и возможности налаживания диалога с обществом. Она послужила толчком для консолидации и радикализации оппонентов власти и способствовала росту политизации общественного сознания.

Возрастает популярность предсказанного в нашем первом докладе варианта, что президентом России должен стать не Путин и не Медведев, а «кто-то третий». Согласно опросу ФОМ от 20 ноября 2011 г., 41% респондентов пока согласны с официально объявленным вариантом Путин – президент, Медведев – премьер-министр. Но 37% респондентов поддерживают варианты, не включающие хотя бы одного из этих политиков, а 26% уже предпочитают не иметь в качестве президента и премьер-министра ни Путина, ни Медведева. Эти данные представляют разительный контраст по сравнению с социологическими данными двух-трехлетней давности, когда респонденты категорически отказывались обсуждать возможность выдвижения альтернативных политических лидеров.

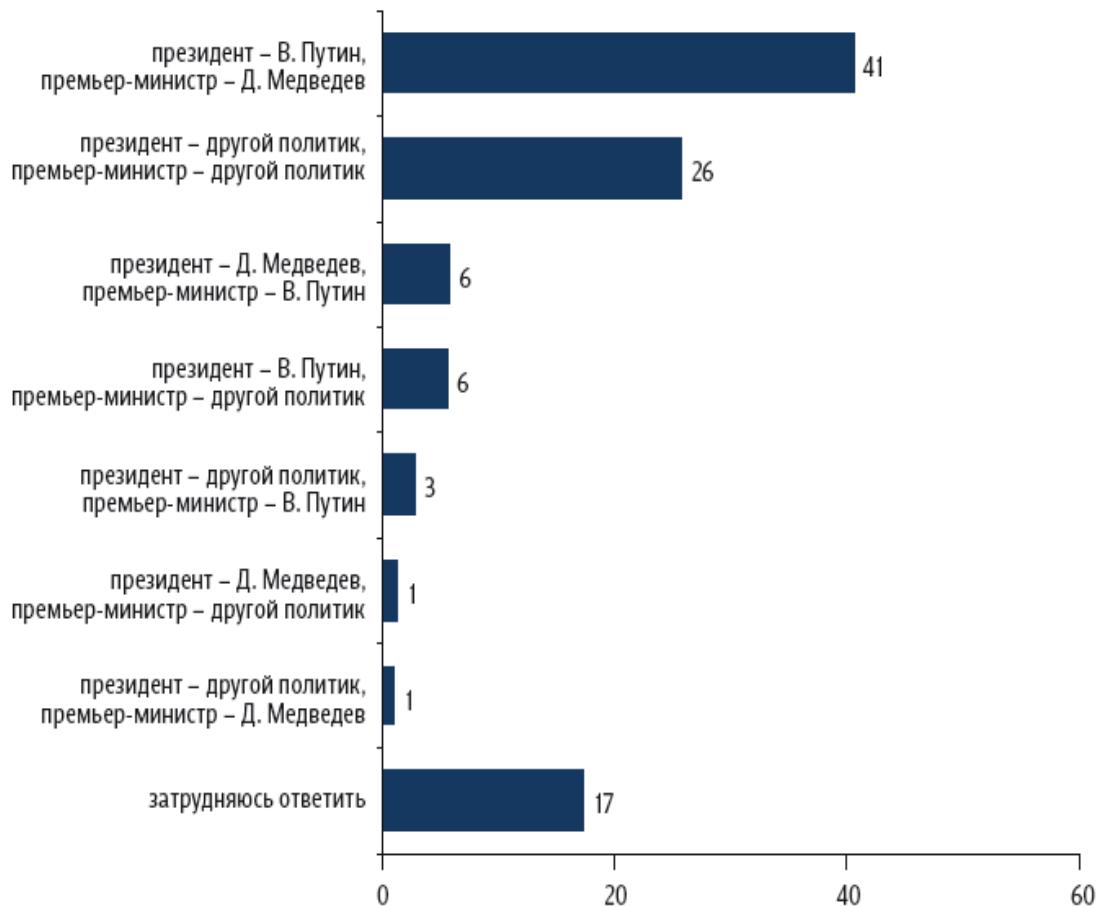

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какой из вариантов распределения высших должностей в государстве, на Ваш взгляд, был бы наилучшим?» (по данным ФОМ от 20 ноября 2011 г.)

1.2. Старение политических брендов

Как большинство маркетинговых продуктов, политический бренд проходит стадии жизненного цикла: подъем популярности, стабилизацию и упадок (*Рис. 1.1.*). Эти стадии хорошо видны на примере динамики рейтингов В.Путина, Д.Медведева и «Единой России» (*Рис. 1.2*), к которым можно добавить Ю.Лужкова (среди москвичей) (*Рис.1.3, 1.4*) и А.Лукашенко (*Рис. 1.5*).

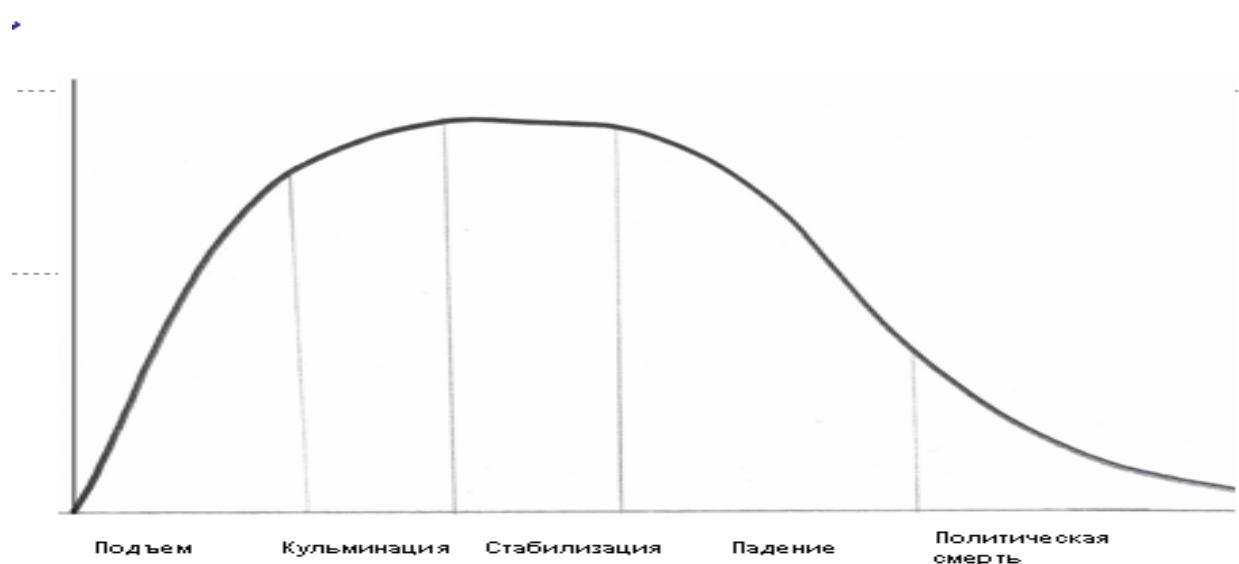

Рис. 1.1. Жизненные стадии политического продукта

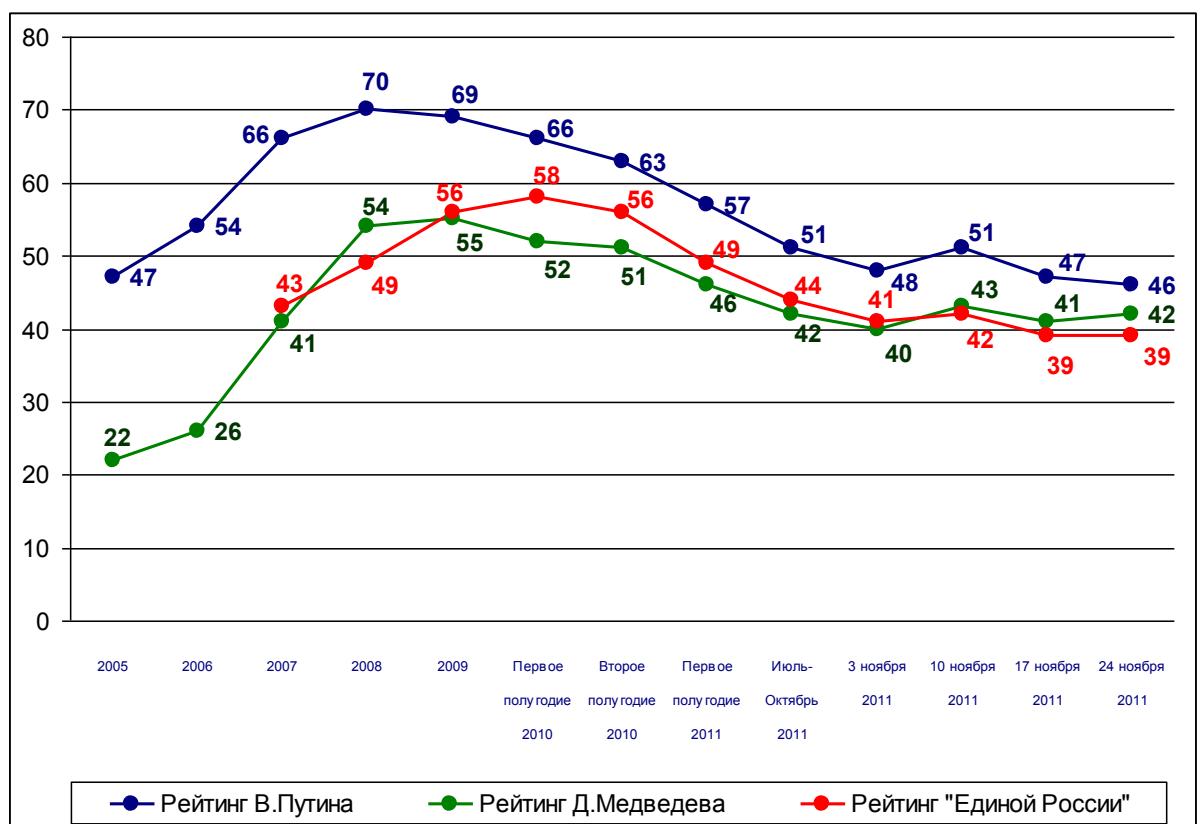

Рис. 1.2. Рейтинги доверия В.Путина, Д.Медведева, партии «Единая Россия» (по данным ФОМ)

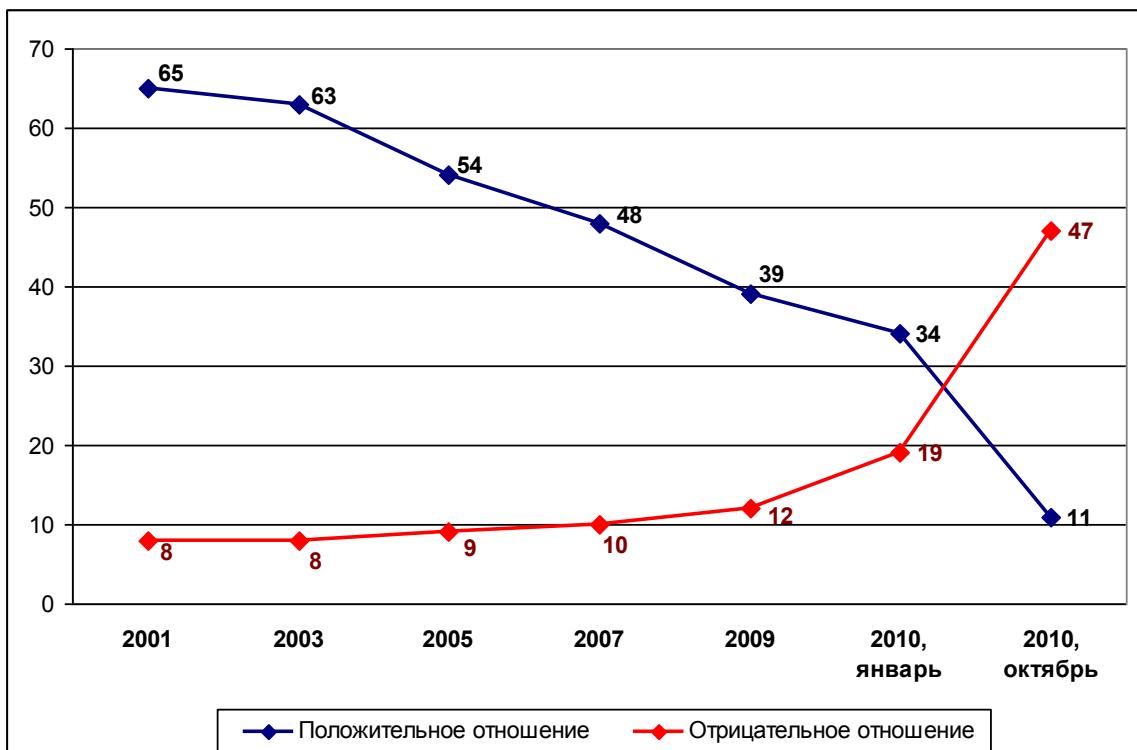

Рис. 1.3. Отношение москвичей к мэру Москвы Ю.Лужкову (по данным Левада-Центра)

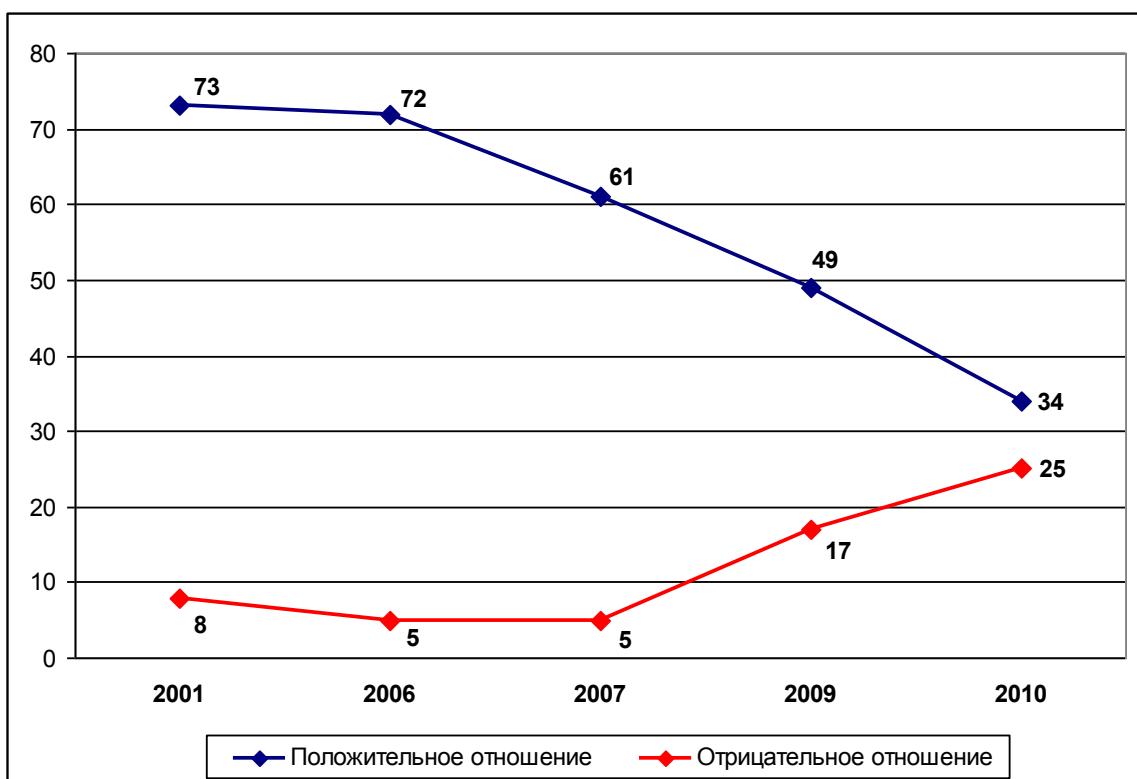

Рис. 1.4. Отношение москвичей к мэру Москвы Ю.Лужкову (по данным ФОМ)

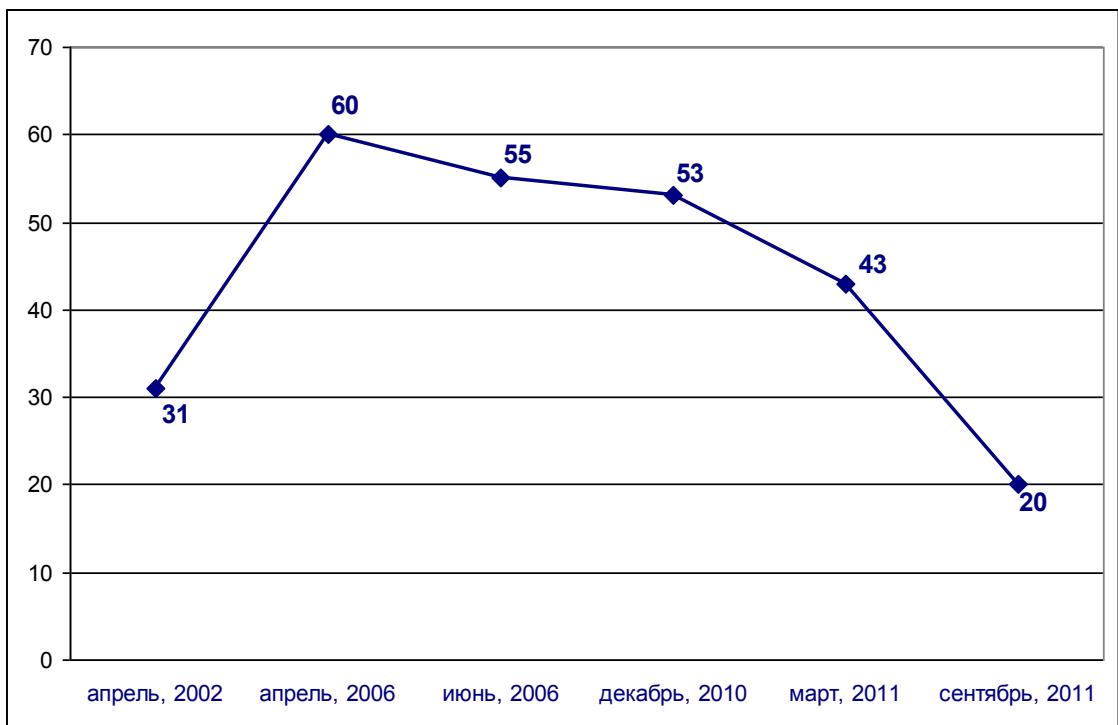

Рис. 1.5. Динамика электорального рейтинга А.Лукашенко (по данным НИСЭПИ, Белоруссия)

Во всех перечисленных случаях видны одинаковые закономерности. После вступления этих лидеров в публичную политику начинался быстрый подъем их популярности, что достигалось не только благодаря успехам проводимой политики, но и эффективной риторике, которую каждому из них в тот период удалось интуитивно найти.

Затем наступает пик популярности, когда рейтинги одобрения выходят на «плато». На этой стадии сторонниками политика становятся 60-70% избирателей, а прочие избиратели в своей массе не являются их противниками. Последнее утверждение было проверено нами эмпирически в конце 90-х и начале «нулевых» годов на примере Лужкова и Путина. Мы специально собирали фокус-группы, состоявшие из респондентов, которые заявляли, что не будут голосовать за этих людей. Гипотеза исследования состояла в том, что эти люди могут быть носителями какой-то альтернативной точки зрения, выявление которой казалось нам интересным. Но наша гипотеза не подтвердилась, поскольку респонденты не сказали ничего внятного и меняли свою точку зрения по ходу обсуждения. Это были странные, размытые маргинальные группы.

Между тем, среди поддерживающих Лужкова и/или Путина (повидимому, это относится и к Лукашенко) в этот период возникает довольно много не просто сторонников, а буквально «фанатов» соответствующих лиц. Причем много - 3-4 человека на фокус-группу. «Фанаты» возникали во всех слоях населения, т.е. во всех возрастных, гендерных, образовательных и поселенческих сегментах (может быть, только среди молодежи в тот период их было меньше).

Первым признаком старения политического бренда в маркетинговом смысле этого слова является исчезновение «фанатов». Электоральные рейтинги остаются по-прежнему высоки, в фокус-группах говорятся почти те же одобрильные слова, но мотивация и эмоциональная интенсивность ослабевают. Одним из проявлений этого как раз и является исчезновение «фанатов». Одновременно впервые начинает звучать тезис об отсутствии альтернативы.

В дальнейшем мотивация продолжает падать и тезис об отсутствии альтернативы звучит все чаще. В этот период из-за падения мотивации начинает падать реальная явка на выборах, которая все больше компенсируется приписками. Возникают "ножницы" между рейтингом и реальным голосованием из-за падения явки. Но падение мотивации одновременно приводит к тому, что ни у кого нет стремления бороться с приписками. Да и зачем бороться, если люди на этом этапе в принципе не против Лужкова или Путина, просто им «неохота» идти на выборы.

В конкурентной политической среде на этапе падения мотивации начинаются активные публичные атаки на прежде "тефлонового" политика. Начинается политическая борьба, у которой есть два возможных исхода: либо политик восстанавливает свои позиции путем ребрендинга, либо его популярность падает до тех пор, пока он не уходит с политической арены.

В неконкурентной политической среде все более раздвигаются "ножницы" между рейтингом и явкой. Здесь впервые появляется необходимость в силовом подавлении протестных групп, поначалу очень немногочисленных. В дальнейшем эта необходимость усиливается.

Наконец, и рейтинг начинает падать. На этой стадии у политика появляется довольно злой антиэлекторат, который не голосует уже не из-за пассивности, а из-за отсутствия альтернативы (неявка становится протестной). Что же касается сторонников, выражающих доверие из-за отсутствия альтернативы, то падение мотивации заходит столь далеко, что в критической ситуации политик уже не может рассчитывать на активную поддержку с их стороны.

Все это хорошо видно на примере Лужкова. По данным Левада-Центра, его рейтинг среди москвичей во второй половине «нулевых» годов снизился с 60-65% до 30-35%. На пике популярности любая попытка отставки Лужкова, несомненно, вызвала бы массовые протесты его «фанатов», которые потянули бы за собой и более пассивный электорат. Федеральная власть это хорошо понимала и всегда уступала в конфликтных ситуациях. А после падения рейтинга в момент отставки никто не выразил никакого протesta.

Последующее развитие событий хорошо видно на примере Лукашенко. О том, что происходит на завершающей стадии политического цикла, можно судить по следующему недавнему сообщению в новостях.

Профессор социологии, директор независимого института социально-экономических и политических исследований Олег Манаев задержан в центре белорусской столицы, передает РИА "Новости". Манаев, проходя по

площади Победы, был остановлен сотрудниками милиции и препровожден в ближайший опорный пункт. На вопрос агентства люди, задерживающие Манаева, дали пояснение, что у них "указание задержать этого человека".

На прошлой неделе институт опубликовал свои социологические исследования, согласно которым рейтинг президента Белоруссии Александра Лукашенко за девять месяцев текущего года упал до 20,5%, достигнув исторического минимума за всю 17-летнюю историю мониторинга - говорится в опубликованном документе. После президентских выборов в декабре прошлого года рейтинг Лукашенко составлял 53%, хотя избирательная комиссия объявила о его победе с гораздо более впечатляющим результатом.

Жизненный цикл персонального бренда Путина развивается по тем же законам. «Фанаты» Путина исчезли в фокус-группах уже давно (ориентировочно в 2005 г.). Затем рейтинг рос из-за безальтернативности, но мотивация продолжала уменьшаться. С лета 2010 г. рейтинг доверия Путину начал падать. Одновременно начал падать и рейтинг партии «Единая Россия», который был и остается производным от рейтинга Путина.

Наряду с падением численности избирателей появился злой антиэлекторат, численность и мотивации которого возрастают. Свидетельством этого является распространение в интернете сатирических роликов и политических анекдотов, вызывающих в памяти поздние советские времена.

Теоретически, дальнейшее старение бренда может быть приостановлено путем ребрендинга, но в текущих условиях его возможности ограничены, в том числе препятствиями на пути обновления коммуникативного ресурса.

1.3. Проблема обновления риторического ресурса

Наряду со старением политических брендов, сложившаяся политическая система сталкивается с проблемой старения риторического ресурса и сложившегося формата политических коммуникаций властей и населения. Аналогичные процессы наблюдались еще в советское время. В период между 1917 и 1970 гг. коммунистическая идеология и риторика неоднократно обновлялась и периодически служила мобилизующим фактором, способным вызывать позитивный отклик у широких масс населения. В 1970-1980-х гг., когда российское общество быстро входило в стадию массового потребления и создавало спрос на новые формы публичного диалога, обновление риторического контента власти, наоборот, практически прекратилось. Старая система политических коммуникаций быстро исчерпала себя. Она полностью утратила мобилизующую способность и превратилась в предмет раздражения и высмеивания.

Популярность политических анекдотов стала признаком неадекватности политических коммуникаций.

Попытка обновления риторического ресурса в период перестройки оказалась успешной лишь отчасти. Риторике власти пришлось конкурировать с риторикой неформальной общественной оппозиции, которая оказалась успешнее в поиске мобилизующего контента. В конечном счете, мобилизующая сила альтернативной риторики и коммуникаций обеспечила падение коммунистической системы.

Но в условиях кризиса начала 1990-х эта новая риторика тоже быстро исчерпала себя, вызвав массовое отторжение. С тех пор российское общество прошло еще через несколько этапов риторического обновления и кризисов политических коммуникаций в результате их старения.

Последний такой цикл привел к власти Владимира Путина, который смог успешно обновить риторический ряд лидера страны, а также способствовал первоначальному успеху риторики партии власти. Но во второй половине 2000-х гг. наступило привыкание к этой риторике, и с тех пор она уже не вызывает эмоционального отклика.

Одна из ее уязвимых сторон состояла в том, что эта риторика формировалась в относительно однородном обществе, где из-за кризиса 1990-х идеологический полюс среднего класса был ослаблен по отношению к другим социальным слоям. В 2000-е гг. этот средний класс укрепился и усилил влияние, но традиционная риторика Владимира Путина и партии власти не отвечала его ожиданиям, поскольку была адресована другим социальным слоям. Попытка использовать для этой цели риторику Дмитрия Медведева завершилась после рокировки тандема.

Массовое распространение политической сатиры в интернете, а также возрождение жанра политических анекдотов, который, казалось, сошел на нет в начале правления Путина, - опасный для власти симптом исчерпания ресурса политических коммуникаций и безуспешности попыток его обновления. Риторический стиль власти состарился и вызывает негативные реакции. Наступила волна отторжения.

Для того чтобы начать новую волну диалога с обществом, властям нужно кардинально обновить коммуникативный ряд. Но обновление коммуникативного ряда невозможно без обновления персоналий. Сейчас на верхних этажах власти практически не осталось успешных коммуникаторов. Один и тот же человек на протяжении своей жизни очень редко может удачно сменить тон публичного общения, так чтобы каждый раз оказаться на гребне новой волны общественных ожиданий. В свое время У.Черчиллю нечто похожее удалось. Но редкие исключения лишь подтверждают правило. Нашупать новый стиль коммуникации – задача непростая, которая решается путем многочисленных проб и ошибок множества конкретных людей. Чтобы это произошло в системе нынешней власти, она должна обеспечить эффективный отбор и быстрое выдвижение на вершину наиболее успешных коммуникаторов. Но сложившийся принцип ее работы прямо противоположен: на протяжении десяти лет она целенаправленно отсекала

любых успешных коммуникаторов, за исключением Путина и нескольких его ближайших сторонников, чей риторический ресурс уже исчерпан.

Неизбежное обновление риторического ресурса столкнется со сложностью, с которой российская власть не сталкивалась уже почти столетие, а именно с невозможностью обращаться с единым политическим посланием ко всему российскому народу. Формирование в обществе двух противостоящих политических полюсов потребует диверсификации политического контента, которая, в свою очередь, невозможна без политической конкуренции.

Поскольку существующая российская власть, сделавшая ставку на создание единого риторического центра, вряд ли сможет справиться с этой задачей, более вероятным становится повторение риторического сценария эпохи перестройки, когда успешный поиск нового коммуникативного ряда сосредоточится либо во внесистемных форматах (наличие интернета существенно упрощает и ускоряет эту задачу), либо в рамках перестройки оппозиционных партий (например, если в КПРФ начнется омоложение руководства). В обоих случаях возможности конкуренции потенциальных лидеров и быстрого отбора актуальных риторических стилей несравненно шире, чем в рамках вертикали власти.

1.4. Снижение эффективности партийного манипулирования

Система партийного манипулирования, являющаяся неотъемлемой чертой существующей вертикали власти, первоначально формировалась как гибкая и неформализованная система, позволяющая быстро формулировать, принимать и реализовывать решения с учетом текущей политической обстановки. Залогом ее успешности на этапе формирования вертикали власти была быстрота реакции, низкая забюрократизированность и способность к рискованной импровизации, ломающей политические стереотипы.

Но длительный период сравнительно успешного функционирования на основе повторяющихся практик потребовал вовлечения все более широкого круга политиков, чиновников и консультантов, что в свою очередь привело к формализации процессов и развитию административных рутин. Неизбежной ценой такой институционализации стало снижение толерантности к риску, адаптивности и способности к импровизации. Результативность системы стала падать, как только она столкнулась с принципиально новыми для себя политическими последствиями социальной поляризации.

Усилившаяся поляризация требует предоставления большей свободы действий подконтрольным оппозиционным политикам и партиям, а это повышает риск перераспределения в их пользу голосов от партии власти. Снижение готовности к риску привело к неудаче попытки оживить правую партию с участием Михаила Прохорова – его склонность к самостоятельным действиям оказалась чрезмерной. По сходным причинам началось вытеснение «Справедливой России» с левого фланга. Политическое

представительство социальных полюсов опасно сужается, в результате чего растет потенциал их внесистемного давления на власть.

Бюрократическая инерционность отчетливо проявилась в организации текущей предвыборной кампании «Единой России». В рамках кампании сохраняется традиционная установка на достижение 60-70% голосов для партии власти на выборах. Соответствующие целевые индикаторы устанавливаются региональным администрациям и партийному аппарату. В изменившемся общественно-политическом климате подобный тактический успех может привести к стратегическому поражению. 70% голосов ЕР большинством населения, скорее всего, будет воспринято не как свидетельство популярности партии, а как доказательство нечестности выборов. Даже достижение 40% может вызвать сомнения. И лишь при уровне 25-30% голосов результаты выборов могут быть восприняты как легитимные.

Если нелегитимность выборов станет общепризнанным фактом, новая Дума утратит значение как политический институт, даже если «Единая Россия» получит в ней конституционное большинство. В стратегическом плане для власти гораздо важнее иметь легитимную Думу, которая может стать частью общественного диалога в процессе политической трансформации. Но в рамках инерционных политических практик решение стратегических задач вытесняется на второй план.

В новых политических условиях система партийного манипулирования утратила свою первоначальную функциональность. Из единственного инструмента политического контроля она все более превращается в дополнительный источник системных рисков. Она препятствует адаптации власти к новым условиям и увеличивает потенциал саморазрушения политической системы.

1.5. Представительство оппозиционных групп и протестные настроения

Тенденция падения поддержки В.Путина, Д.Медведева и «Единой России» сопровождается ростом рейтинга недоверия, образующего противофазу позитивному рейтингу, и ростом протестного потенциала в обществе (*Рис. 1.6 и 1.7*).

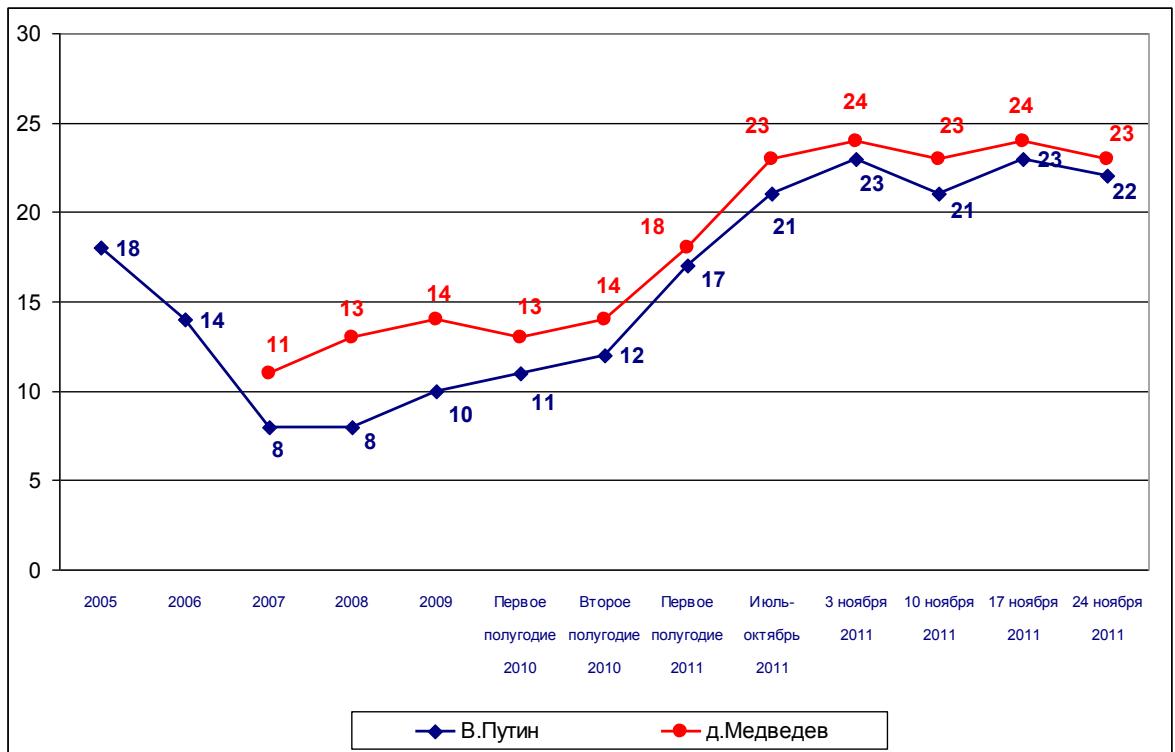

Рис. 1.6. Рейтинги недоверия В.Путина, Д.Медведева (по данным ФОМ)

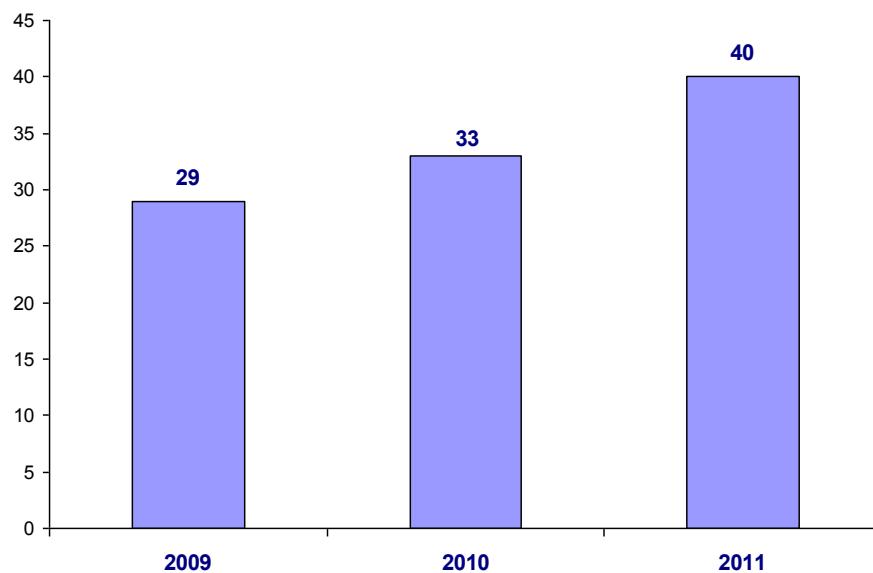

Рис. 1.7. Доля людей, испытывающих недовольство, готовность участвовать в акциях протеста, % от числа опрошенных (по данным ФОМ)

Несомненно, на этот процесс повлияли и в дальнейшем будут влиять такие факторы, как кризис тандема, старение персональных политических брендов, исчерпание коммуникативного ресурса властей и растущая дисфункциональность системы партийного манипулирования. Несомненно также и то, что сохранение экономической неопределенности и возможное

очередное торможение экономики в России и в мире будут способствовать усилению социальной напряженности, росту протестных настроений и дальнейшему ослаблению политической системы.

Но в данном параграфе мы хотим привлечь внимание к другим, не менее важным аспектам ослабления политической устойчивости.

Как будет показано во второй части доклада, к концу истекшего десятилетия «нулевых» годов в российском обществе сформировалось два массовых социальных полюса с устойчивыми и во многом взаимоисключающими системами ценностей, нормами поведения и политическими ожиданиями. Это способствует расхождению частей ранее консолидированного центристского избирателя в сторону правой и левой оппозиции.

При растущей поляризации общества согласовывать интересы в рамках неконкурентной политической модели становится все труднее.

Существующая система власти не смогла обеспечить политическое представительство растущему ядру городского среднего класса. Значительная часть избирателей на этом фланге вынуждена голосовать за левые оппозиционные партии, чьи программы противоречат их интересам. Такое поведение носит ярко выраженный протестный характер.

На левом фланге избиратели с традиционной системой ценностей тоже все активнее переходят на сторону хорошо организованной левой оппозиции, представленной в Думе КПРФ и «Справедливой Россией». Например, это характерно для пенсионеров, которых, несмотря на беспрецедентное повышение пенсий, становится все труднее удерживать в избирателе партии власти. Об этом свидетельствуют данные всероссийского опроса ФОМ в сентябре 2011 г.: избирательный рейтинг «Единой России» устойчиво падает по мере увеличения возраста респондентов (*Рис. 1.8*).

Более того, в динамике рейтинг «Единой России» среди пенсионеров падает быстрее, чем во всех других социальных группах (*Рис. 1.9*). В перспективе пенсионеры будут выступать с солидарным отрицательным мнением по поводу «Единой России». Учитывая накопившиеся долгосрочные проблемы в пенсионной системе и тот факт, что у властей нет очевидной стратегии их решения, подобные настроения будут нарастать. И, в принципе, избирательный бунт пенсионеров становится возможным. В какой форме это будет происходить, пока неясно, но можно вспомнить, например, 2005 г., когда произошел массовый протест пенсионеров против монетизации льгот, и предложить это как сценарий. Рейтинг доверия Путину в тот период упал на 6% и восстановился на протяжении целого года, несмотря на то, что власти экстренно стали «заливать деньгами» возникшее у пенсионеров социальное недовольство.

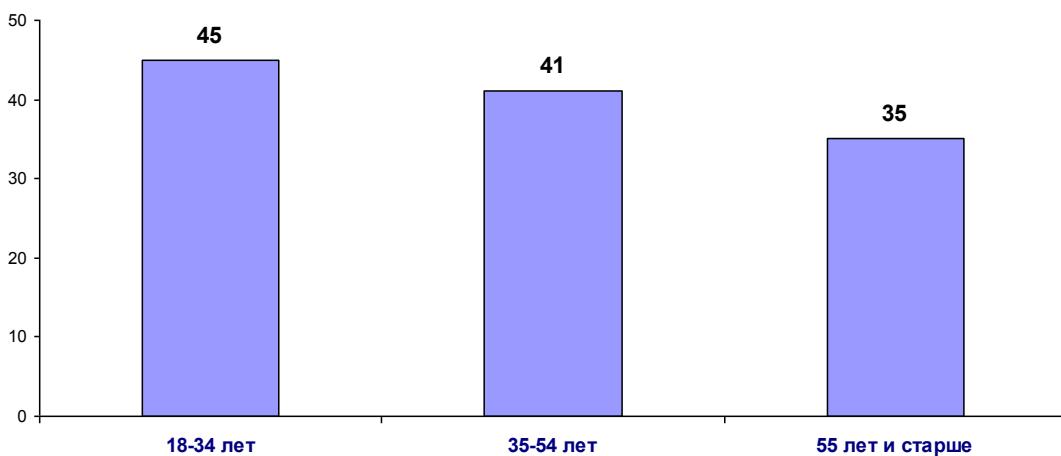

Рис. 1.8. Рейтинг голосования за партию «Единая Россия» в сентябре 2011 г. по возрастам (по данным ФОМ)

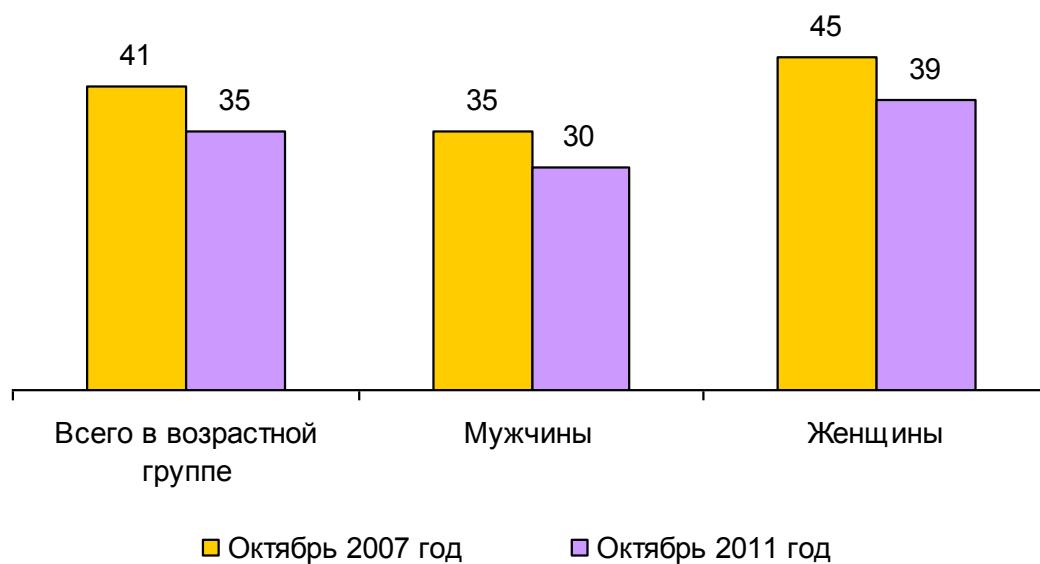

Рис. 1.9. Рейтинг голосования за партию «Единая Россия» в сентябре 2011 г. в старшей возрастной группе 55+, % от числа групп (по данным ФОМ)

В силу своей массовости, единства ценностей и политических установок оба социальных ядра отличаются от остального пассивно-аморфного «центристского» населения повышенной консолидированностью и потенциалом протестных действий. Благодаря этому оппозиционные силы получают доступ к наиболее качественным политическим активам, на которые гораздо удобнее опираться как в системной, так и во внесистемной политической борьбе.

Социальная опора властей начинает проигрывать если не в количестве, то в качестве поддержки. В активе власти остаются преимущественно представители переходных групп, которые отличаются повышенной неоднородностью, аморфностью целей, меньшей устойчивостью поведенческих норм и ограниченным потенциалом коллективных действий.

В политическом плане они составляют хотя и массовую, но ненадежную политическую опору. Социологические данные, представленные во второй части доклада, позволяют предположить, что по мере дальнейшего политического размежевания значительная часть этих людей примкнет к более сильным в идейном, риторическом и организационном плане центрам политического влияния, формирование которых в обозримой перспективе возможно лишь на базе сложившихся социальных полюсов.

Таким образом, социальная поляризация способствует росту количества и повышению качества оппозиционного избирателя. Однако сравнительные преимущества этого избирателя асимметричны. Эти преимущества оппозиции могут дополнительно возрасти благодаря асимметричному политическому представительству правой и левой оппозиции, которое возникло в результате рокировки тандема и неудач в возрождении правой партии «сверху».

Преимущества левого избирателя - относительная массовость, способность к консолидации, повышенная явка на выборах и хорошо организованное партийное представительство. Даже в условиях массовых нарушений избирательного процесса в пользу партии власти они обеспечивают левой оппозиции представительство в Думе и заметное влияние через формальный избирательный процесс. С этим влиянием власти вынуждены считаться всерьез. Напротив, потенциал неформального, в том числе протестного, влияния на левом фланге ограничен. Левый избиратель слабо представлен в средствах массовой информации, меньше присутствует в интернете и рассредоточен за пределами крупнейших городов.

Городской средний класс является менее многочисленным, у него низкая явка на выборах, и его формальное политическое влияние было бы невысоким, даже если бы он получил адекватное партийное представительство в Думе. Однако в отсутствие такого представительства его активность вынужденно переходит во внесистемную плоскость, в которой и лежат его основные сильные стороны. Огромный потенциал неформального политического влияния несоизмерим с его ограниченным избирательным весом. Средний класс гораздо опаснее для властей как внесистемный протестный ресурс: он сосредоточен в крупнейших городах, формирует основную часть медийного контента, доминирует в интернете, обладает значительным социальным капиталом и потенциалом самоорганизации. Социологические данные показывают, что пока его политическая активность невелика, но протестная активность нарастает. Если она со временем перерастет в политическую плоскость, противостоять ей власти будут не в состоянии.

Таким образом, асимметричность сильных и слабых сторон левого и правого избирателя и его асимметричное политическое представительство способствуют естественной «специализации» левой и правой оппозиции на разных формах политической работы. Это усиливает ее коллективную силу в оппонировании властям и ведет к дальнейшему ослаблению политической

системы. В то же время, асимметрия оппозиционного влияния закладывает предпосылки для будущих политических конфликтов и патовых ситуаций, на которых мы коротко остановимся в третьей части доклада.

1.6. Роль пассивного большинства в ускорении политических изменений

Формирование двух массовых полюсов избирателей, образующих правую и левую оппозиции, в настоящее время отчасти маскируется тем обстоятельством, что оба полюса объединены общей идеей недоверия к существующей политической власти и демонстрируют растущую готовность голосовать за левые оппозиционные партии.

В перспективе такое положение не может быть устойчивым. Со временем следует ожидать партийного и политического размежевания этих полюсов в соответствии с их специфическими социально-экономическими интересами. Но пока процесс консолидации наиболее мотивированного оппозиционного избирателя на почве противостояния власти приводит к иным последствиям. Консолидация облегчила и ускорила формирование «критической массы» населения, недовольного властью. Это приводит в действие механизм избирательного перетока, описанный немецким социологом Э. Ноэль-Нойман².

Суть данного механизма состоит в том, что человек с меньшей вероятностью высказывает свое мнение на ту или иную тему, если чувствует, что его точка зрения не поддерживается большинством, так как боится изоляции или игнорирования со стороны последнего. На бессознательном уровне люди внимательно следят за мнениями своего окружения, стремясь выявить господствующие точки зрения. Если индивид обнаруживает, что разделяемые им установки становятся мало распространенными и порицаемыми, он с большой вероятностью перейдет на позиции большинства.

Действие этого механизма предполагает, что первоначальное формирование «критической массы» недовольных властью, как правило, происходит довольно медленно, поскольку оппонентам приходится преодолевать «сопротивление социальной среды», в которой большинство не разделяет оппозиционных настроений. На этой стадии в число оппонентов власти обычно переходят наиболее мотивированные индивиды, и такой переход не может быть быстрым, поскольку требует волевых усилий и сопряжен с немалыми рисками и персональными издержками.

Но по мере того как количество оппонентов власти нарастает, происходит смещение социального равновесия. Возникает среда, в которой одни члены общества настроены на открытое выражение и отстаивание

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

своего оппозиционного мнения, а другие молчат и проявляют готовность его изменить. В этой среде мотивация для присоединения к оппонентам власти усиливается. С одной стороны, массовость оппонентов создает ощущение солидарной защищенности и снижает персональные издержки присоединения к ним. Широкое одобрение такого поведения оппонентами власти служит моральным вознаграждением за нелояльность властям. С другой стороны, издержки неприсоединения, выражющиеся в проявлениях коллективного неодобрения со стороны многочисленных оппонентов власти, значительно возрастают.

Характерный пример психологической эффективности коллективного неодобрения со стороны оппонентов власти представляет дискуссия в интернете по поводу выступления А.Макаревича на предвыборном мероприятии «Единой России» в Кемерово. Макаревич был вынужден оправдываться в своем блоге, а одним из наиболее обидных комментариев по этому поводу стал парафраз популярной строчки из его песни: «Не надо прогибаться под изменчивый мир... - достаточно прогнуться под власть».

На этой стадии к оппонентам начинают в массовом порядке присоединяться конформисты и неопределенщики. Если на ранней стадии формирования «критического большинства» против преобладающего общественного мнения высказываются в основном отдельные высокообразованные или более состоятельные люди, а также представители некоторых идеологических групп, то со временем эти лица становятся лидерами новых массовых трендов («новыми властителями дум»), в результате чего им удается привлечь на свою сторону пассивное большинство.

Возросшая легкость перехода на сторону оппозиции приводит к нарастанию спиралеобразного процесса, в ходе которого доминировавшая прежде точка зрения меняется на противоположную. Раскручивание «спирали присоединения» приобретает самоускоряющийся характер и может приводить к внезапным изменениям в политических настроениях общества.

В настоящий момент в России уже завершается формирование критической массы оппонентов власти и начинается ускоренный переход основной массы населения от поддержки власти к протестному отношению к ней. В Белоруссии, если судить по результатам социологических опросов, это уже произошло. В России этот процесс еще не завершен, но он быстро развивается.

Такие события, как нечестные выборы, могут выступать катализаторами данного процесса, приводя к скачкообразной радикализации общественных настроений. При этом политические идеи, казавшиеся чересчур радикальными накануне события, внезапно становятся в глазах оппозиционно настроенных граждан излишне умеренными и даже банальными. В такие моменты возрастает вероятность запаздывания реакции властей на очередное ускорение событий, растет их пассивность и неадекватность, что ведет к быстрому накоплению внутренней инерции в развитии политического кризиса.

Социологические данные свидетельствуют об ускорившейся трансформации политического сознания российских избирателей. Так, по данным Левада-Центра, в ноябре электоральный рейтинг «Единой России» снизился по сравнению с октябрем на 7 процентных пунктов (с 60% до 53%). По данным И.М. Бунина, 88% опрошенных выступают за расширение возможности граждан влиять на власть. По его мнению, запрос на политические перемены стал превалировать над запросом на безусловный приоритет стабильности, который во многом был дискредитирован под влиянием кризиса (еще в начале года картина была обратной).

В дальнейшем следует ожидать, что протестные тренды общественных настроений будут радикализованы сначала парламентскими, а затем и президентскими выборами. Существует вероятность, что мощные предвыборные кампании, исходящие от власти и негативно воспринимаемые населением, будут способствовать росту антиэлектората власти в большей степени, чем росту ее сторонников. Говоря языком рекламы, коэффициент контактной ценности сообщений сделался отрицательным, и увеличение мощности пропаганды лишь усиливает этот отрицательный эффект. Нечто похожее произошло в конце советской эпохи: старение риторических ресурсов в сочетании с прежней интенсивностью пропаганды стало одной из причин коллапса этой системы.

Быстрый рост числа оппонентов власти повышает вероятность раскола внутри правящей группировки. Подобно тому, как это случилось с Ельциным на закате перестройки, публичное заявление какого-либо известного политика о своем несогласии с политическим курсом в сложившейся ситуации вызовет симпатии оппонентов власти и позволит ему быстро нарастить политический капитал альтернативного лидера. Первые признаки этого уже появились (например, отставка А.Кудрина и переход Г.Павловского в лагерь критиков власти).

Со временем процесс перетока населения в лагерь оппонентов власти снова должен замедлится. Это будет происходить по мере исчерпания потенциала перехода в оппозицию неопределенных и конформистски настроенных граждан. Теоретически, в активе власти могут остаться в основном ее убежденные сторонники, которые будут менять свою точку зрения намного медленнее, чем остальное население.

Однако специфика существующего электората партии власти состоит в его пониженной мотивации. Как следует из представленных в нашем докладе социологических данных, наиболее мотивированный электорат с устойчивыми системами ценностей быстро стягивается к социальным полюсам и формирует базу для политической оппозиции. Поддержку властям все еще склонны оказывать промежуточные социальные слои, не имеющие устойчивых ценностей и убеждений и склоняющиеся к конформистским моделям поведения. Такая база является неустойчивой и не позволяет рассчитывать на длительное воспроизведение массового мотивированного ядра политических сторонников власти.

1.7. Экономические причины роста политической напряженности

В предыдущем докладе мы указывали на отсутствие явных социологических свидетельств того, что именно экономический кризис послужил причиной начавшегося падения доверия к власти. Но в последнее время появились признаки того, что дальнейшее падение поддержки властей может быть обусловлено в том числе и экономическими причинами.

Согласно опросам, проведенным Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) в 2010 г. в странах развивающихся рынков Европы и Средней Азии и в 5 странах Западной Европы, мировой финансово-экономический кризис привел в большинстве стран к усилению недовольства населения существующей политической и экономической системой. При этом в странах - новых членах ЕС, которые дальше всего продвинулись в осуществлении рыночных реформ и формировании институтов политической демократии, заметно ухудшилось как отношение к рыночной экономике, так и к основным демократическим институтам (*Рис. 1.10. и 1.11.*). Напротив, в странах СНГ с неконкурентными политическими институтами и неразвитой рыночной экономикой повысился спрос на демократию и рынок.

В отличие от большинства других стран региона, в России в 2010 г. особых изменений по сравнению с докризисным периодом не наблюдалось ни в отношении к рынку, ни в отношении к демократии. Эти результаты хорошо согласуются с представленными в первом докладе ЦСР результатами наших собственных социологических исследований, проводившихся в середине 2010 г.

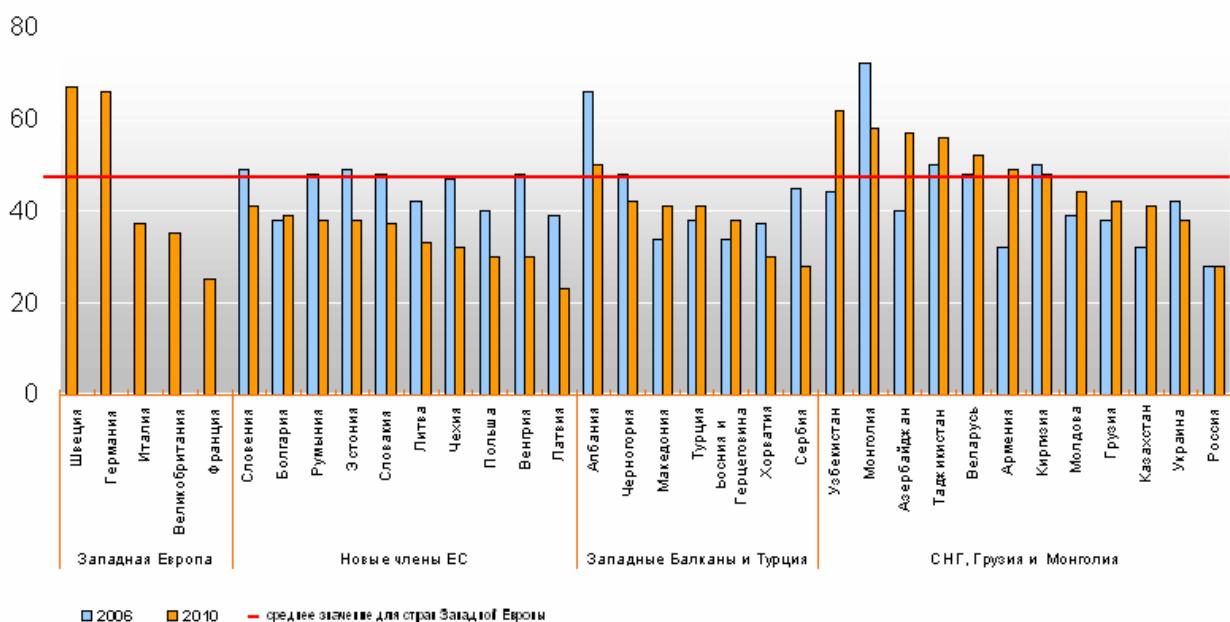

Рис. 1.10. Поддержка свободного рынка в странах Западной Европы и странах с переходной экономикой

Источник: LiTS, 2006 и 2010.

Для каждой страны этот график показывает долю населения, которая безоговорочно поддерживает свободный рынок. Горизонтальная линия показывает среднее значение за 2010 г. для стран Западной Европы (Франция, Германия, Италия, Швеция и Великобритания).

Поддержка рынков снижается среди стран - новых членов Евросоюза.

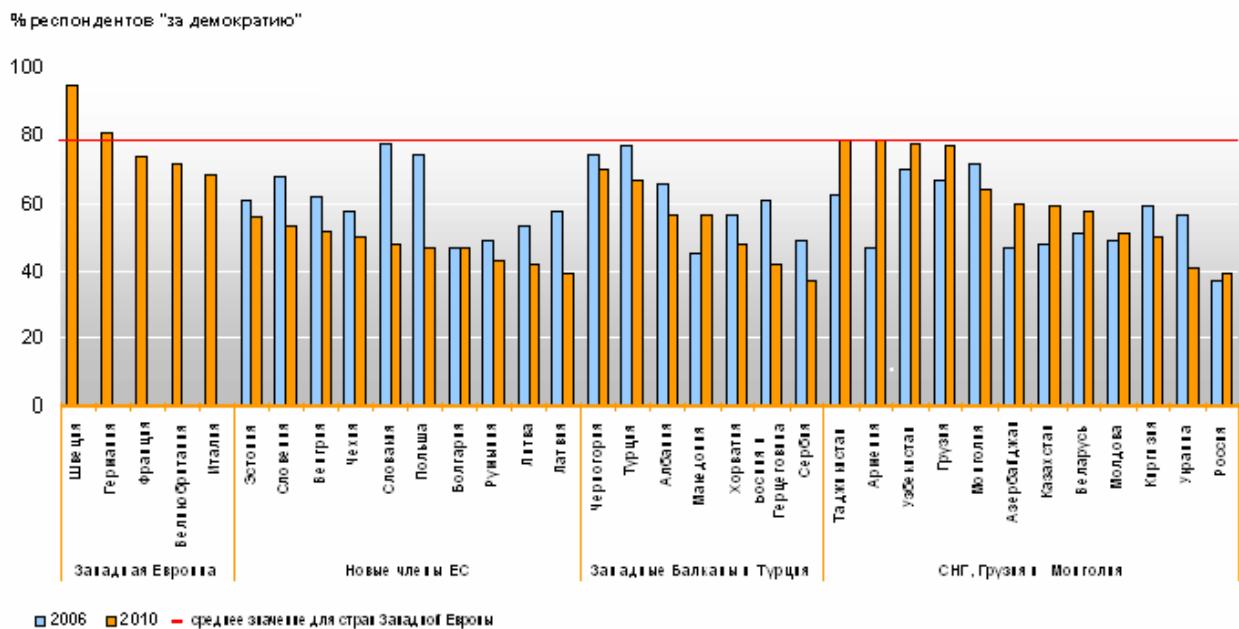

Рис. 1.11. Поддержка демократии в странах Западной Европы и странах с переходной экономикой

Источник: LiTS, 2006 и 2010.

Для каждой страны этот график показывает долю населения, которая безоговорочно поддерживает демократию. Горизонтальная линия показывает среднее значение за 2010 г. для стран Западной Европы (Франция, Германия, Италия, Швеция и Великобритания).

Поддержка демократии в регионе стран с переходной экономикой ниже, чем в среднем в Западной Европе % респондентов "за демократию"

Но в 2011 г. в России тоже наметились изменения. Об этом свидетельствует не только появившийся массовый спрос на политические перемены, но и последние обследования ФОМ, которые указывают на рост доли респондентов, считающих, что западная и/или советская экономическая система являются более справедливыми, чем современная российская (Рис. 1.12. и 1.13.). Представленные данные свидетельствуют не только о негативном отношении к сложившейся в России системе «бюрократического капитализма», но и о продолжающейся социальной поляризации.

Рис. 1.12. и 1.13. Сравнительная оценка справедливости российского, западного и советского общества

Источник: ФОМ

Данные вышеупомянутого обследования ЕБРР подтверждают, что в России экономический кризис нанес чувствительные удары по обоим социальным полюсам. Согласно данным этого обследования (Рис. 1.14.), снижение потребления в Западной Европе в основном затронуло предметы роскоши, в то время как в других странах, наряду с еще более высокой частотой сокращения потребления предметов роскоши, наблюдалось более частое сокращение потребления (почти в 4 раза) базовых продуктов питания. В России частота сокращения потребления базовых продуктов питания и предметов роскоши оказалась примерно на одном уровне, затронув около одной трети домохозяйств каждая. Судя по всему, и малообеспеченные слои населения, и городской средний класс были вынуждены ограничивать потребление, что, по-видимому, способствовало усилиению разочарования в существующей экономической и политической системе.

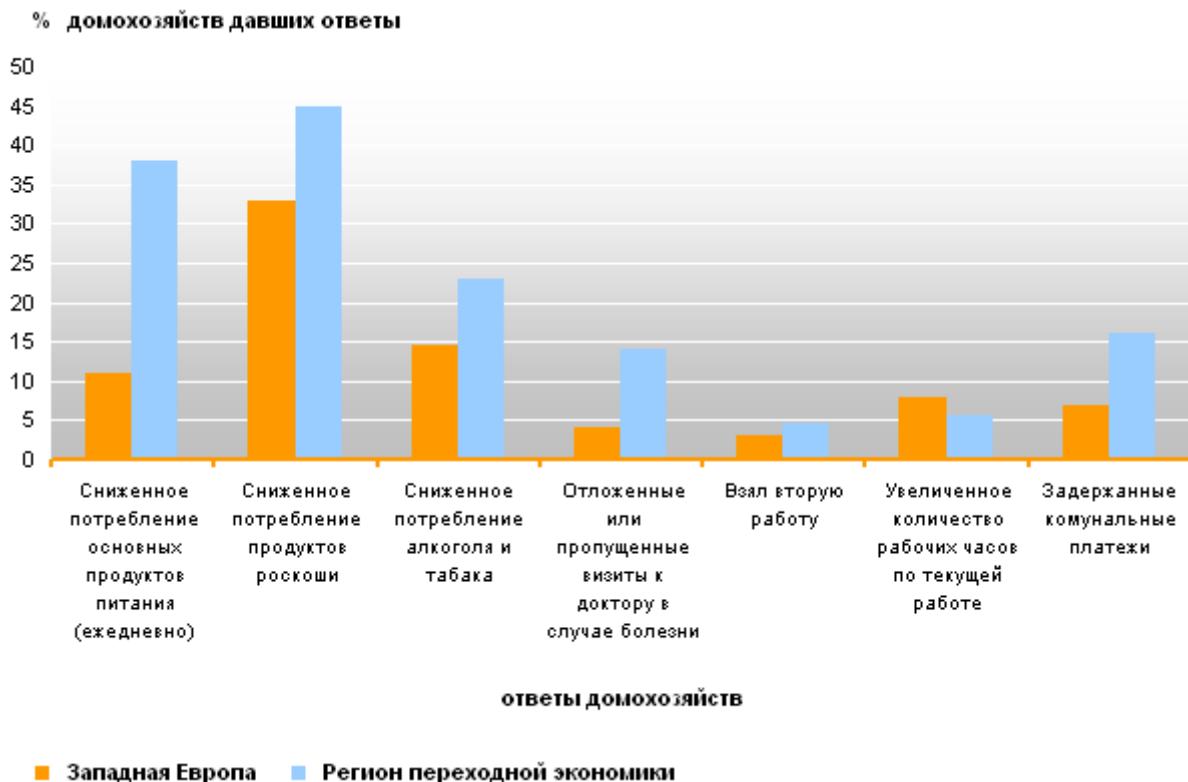

Рис. 1.14. Частота утвердительных ответов домохозяйств по вопросам о снижении потребления

Катализатором политических изменений могут послужить и внешние факторы. Глубокий экономический кризис в Белоруссии уже привел к резкому ослаблению президента Лукашенко и к утрате им поддержки со стороны населения. Если белорусский кризис перейдет в политическую плоскость и завершится отстранением Лукашенко, это может привести к дальнейшей радикализации общественного мнения в России, повысив вероятность развития по пути политической конфронтации.

Недавние экономические решения властей тоже могут привести к усилению политической напряженности. С 2012 г. по инициативе президента Медведева планируется начать резкое повышение военных расходов. Политическая целесообразность такой меры серьезные сомнения.

Население не предъявляет спроса на масштабное увеличение военных расходов. Наоборот, участники наших фокус-групп постоянно высказывали сомнения в целесообразности повышения военных расходов, в том числе в связи с коррумпированностью военных закупок. Отношение к повышению военных расходов разительно отличается от отношения к повышению пенсий, которое население в большинстве своем активно поддерживало. Число граждан, которые непосредственно получат выгоду от повышения военных расходов, примерно в 35 раз меньше, чем число пенсионеров, а дополнительных средств на эти цели ежегодно будет выделяться почти столько же, что и на финансирование повышенных пенсий – около 2 трлн рублей в год или почти 4% ВВП. Как и в случае с повышением пенсий, для

финансирования дополнительных военных расходов, скорее всего, придется увеличить налоги (например, поднять ставку НДС до одного из самых высоких значений в Европе). Эта мера, без сомнения, вызовет сопротивление бизнеса и широких слоев населения.

Часто звучит мнение, что, повышая военные расходы, власть укрепляет свои позиции перед лицом нарастающего политического кризиса. Но в России армия не подходит в качестве инструмента для подавления мирных протестов населения. Последний раз попытка использовать ее в этих целях была предпринята ГКЧП и закончилась полной неудачей.

В данном случае мы имеем пример дорогостоящего решения, которое является не только неоправданным экономически, но и рискованным с политической точки зрения.

Таким образом, экономика уже не выполняет сдерживающую или нейтральную роль по отношению к политическим конфликтам. Появляется все больше признаков того, что экономические факторы вносят дополнительный вклад в нарастание политической напряженности и в усиление политического кризиса.

Основные выводы

Отличительной особенностью текущей политической ситуации является быстрое старение и снижение эффективности различных элементов политической системы, которые в прошлом способствовали ее становлению и усилению влияния. При этом такие процессы, как ослабление тандема в результате рокировки, старение политических брендов, исчерпание риторического ресурса и сбои в системе партийного манипулирования во многом обусловлены внутренней логикой развития политической системы и носят необратимый характер. В результате политическая система утрачивает потенциал саморазвития как раз в тот момент, когда структурные изменения в российском обществе усиливают предпосылки для системной политической трансформации.

Ослабление системы власти проявляется не только в снижении рейтингов и росте протестных настроений. Гораздо более опасной для нее является процесс социальной поляризации, при котором согласовывать интересы в рамках неконкурентной политической модели становится все труднее. Следствием этого является рост оппозиционности со стороны наиболее консолидированных социальных групп на правом и левом социальных полюсах. Этот избирательный блок, обладающий в силу большей однородности повышенным потенциалом консолидации, становится ключевым ресурсом оппозиции. Оппозиция обладает очевидными конкурентными преимуществами в обновлении риторического ресурса и создании новых политических брендов. Растущий потенциал влияния по-разному реализуется на правом и левом фланге в связи с асимметричностью сильных и слабых сторон соответствующих социальных групп.

Власть вынуждена опираться преимущественно на представителей переходных групп, которые отличаются повышенной неоднородностью, аморфностью целей, меньшей устойчивостью поведенческих норм и ограниченным потенциалом коллективных действий. По мере дальнейшего политического размежевания значительная часть этих людей может примкнуть к более сильным в идеином, риторическом и организационном плане центрам политического влияния, формирование которых в обозримой перспективе будет происходить на базе сложившихся социальных полюсов.

Вследствие этого начавшийся процесс политической трансформации российского общества может пройти через три этапа.

На первом этапе происходит формирование критической массы оппонентов власти и их консолидация на платформе политических перемен. Отсюда возникает кажущееся парадоксальным стремление многих представителей городского среднего класса проголосовать на ближайших выборах за левые оппозиционные партии, поскольку это представляется наиболее действенным способом выражения протesta на парламентских выборах.

На втором этапе возможен быстрый рост численности их сторонников за счет массового притока пассивного избирательного большинства. На этом этапе пассивные и запоздалые действия властей, а также сами парламентские и президентские выборы могут служить катализаторами дальнейшей политической радикализации общества. Последствия экономического кризиса и непродуманные экономические решения властей ведут к дополнительному росту политического недовольства и подкрепляют спрос на политические и экономические изменения.

На третьем этапе, который более подробно рассматривается во второй части доклада, ожидается размежевание политической оппозиции в направлении противостоящих идеологических полюсов.

Наконец, как показано в третьей части доклада, к концу текущего десятилетия может начаться сближение политических полюсов, которое является предпосылкой для формирования в России устойчиво функционирующей демократии.

ЧАСТЬ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ЕЕ ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Экономическое развитие общества тесно связано с изменениями в его социальной структуре. В обществе с низким уровнем дохода абсолютное большинство составляет малообеспеченное население, зачастую живущее за чертой абсолютной бедности. Низкий уровень образования, отсутствие навыков современной экономической деятельности, приверженность к воспроизведению традиционного образа жизни влекут за собой низкую социальную мобильность и консервацию бедности в данном социальном слое.

Экономический рост создает предпосылки для массового повышения благосостояния, особенно у тех слоев населения, которые обладают образованием и квалификацией, востребованными в секторах экономики с высокой добавленной стоимостью. В обществе растет урбанизированный средний класс, который демонстрирует существенные отличия в плане экономического поведения, образа жизни, ценностей и политических предпочтений.

В России массовый средний класс начал формироваться в 70-е гг. XX века, и его появление, по-видимому, было одним из факторов, способствовавших распаду коммунистической системы, сформировавшейся в совершенно иную эпоху, когда в стране преобладало традиционное сельское население.

В первом постсоветском десятилетии (90-е гг.) российский средний класс пережил трудные времена. Он сократился численно и отчасти был вынужден перейти на мировоззренческие позиции патернализма, который мог быть обеспечен авторитарным политическим строем. Однако в «нулевые» годы благодаря быстрому экономическому росту российский средний класс стал быстро восстанавливать свои позиции в обществе.

В настоящее время российский средний класс является не доминирующей, но значимой и наиболее быстро растущей массовой общественной силой, предъявляющей спрос на политические изменения. Однако специфика современного развития России состоит в том, что влияние малообеспеченного населения, зависимого от государства и формирующего патерналистский социальный запрос, остается еще очень велико.

Это создает предпосылки для перехода от преимущественно монополярной структуры общества с преобладающим патерналистским ориентированным населением к *биполярной структуре* с трудно совместимыми социальными ожиданиями и системами ценностей, установление баланса между которыми является непростой задачей для любой политической власти.

Политическая власть, пытающаяся опереться только на один из полюсов этой биполярной структуры (в данном случае – на патерналистский полюс, состоящий из малообеспеченного населения), неизбежно столкнется с нарастающим противодействием со стороны противоположного полюса,

который сегодня практически не имеет формального политического представительства в системе государственной власти. Игнорирование этого факта может привести политическую систему к конфликтам, во многом похожим на те, которые пережило общество при крушении советской системы.

Для прогнозирования будущего состояния российского общества чрезвычайно важным является тот аспект, что в среднесрочной перспективе (ориентировано 5–6 лет) биполярность его социальной структуры, скорее всего, не снизится, а возрастет. Это произойдет не только под влиянием дальнейшего экономического роста (даже если темпы его будут весьма умеренными), но и в результате происходящих демографических сдвигов. Демографические сдвиги будут происходить под влиянием двух поколений бэби-бумеров: поколения послевоенных лет и наиболее многочисленного из ныне живущих поколений, родившегося в 1980-х гг. Первые в массовом порядке будут выходить на пенсию и столкнутся с проблемой падения доходов. Вторые, наоборот, войдут в зрелый трудоспособный возраст и, вследствие общей снижающейся численности трудоспособного населения и массового выхода на пенсию, займут ключевые позиции в экономике, а в дальнейшем – и в политической системе.

Изменение политической системы является в этих условиях неизбежным. Попытки законсервировать сегодняшнюю систему, буквально на глазах становящуюся все менее адекватной тем задачам, которые она должна решать, могут отсрочить, но вместе с тем и усилить ее политический крах. Необходимо возвращение к более конкурентной политической модели, которая сможет обеспечить представительство интересов среднего класса, соразмерное его численности и влиянию.

2.1. Исследования и оценки среднего класса в России в 1990-2000-х гг.

Серьезные эмпирические исследования среднего класса в России немногочисленны.

Среди них можно выделить исследование, проведенное на базе ИСЭПН РАН Е.М. Авраамовой, которая использовала в качестве критериев отнесения к среднему классу материальную обеспеченность, профессионально-квалификационный потенциал, адаптированность и способность к освоению инноваций, тип политического участия, стиль жизни, самоидентификацию. В 1998 г., по ее оценкам, около 12,5% семей в России могли быть отнесены к среднему классу согласно этим критериям.³ На более поздних этапах исследования в конце 2000-х гг. Е.М. Авраамова относит к среднему классу уже каждую четвертую семью России.⁴

³ Авраамова Е.М. Формирование среднего класса в России: определение, методология, количественные оценки // Общественные науки и современность. 2002. № 1.

⁴ Авраамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Согласно оценкам Л.А. Беляевой, в 1998 г. около 9,4% населения можно было идентифицировать как средний класс при использовании таких критериев, как самоидентификация, материальная обеспеченность и образование (высшее и среднее).⁵

В работе под ред. Т. Малевой «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии»⁶ в качестве критериев выделения среднего класса использовались такие критерии, как:

- материальная обеспеченность, включающая текущие денежные доходы, сбережения, движимое имущество, недвижимость, активы на селе (21,2% домашних хозяйств отнесены к среднему классу по этому критерию);
- социально-профессиональный критерий (высшее образование, регулярная занятость, нефизический характер труда, наличие управленческих функций (включая малых предпринимателей и исключая руководителей средних и крупных предприятий) (привел к оценкам среднего класса на уровне 21,9% респондентов);
- критерий самоидентификации - среднее положение по различным шкалам социальной идентификации для домохозяйства и индивида – (39,5% домашних хозяйств отнесены к среднему классу на основании этого критерия).

Соответствие как минимум двум критериям позволило в 2000 г. отнести около 20% населения к среднему классу (всем трем критериям соответствовало 6,9% населения).

Исследование, использующее похожую методологию, было повторено в 2007 г. на другой выборке. Его результаты позволили отнести к среднему классу в 2007 г. около 20% населения по соответствуанию как минимум двум критериям (из них 4,6% - по трем критериям), при этом увеличилось число отнесенных к среднему классу по критерию материальной обеспеченности (до 26% населения) и уменьшилось по критерию самоидентификации (до 30%).⁷

В работах Л.М. Григорьева⁸, посвященных проблематике среднего класса, проводится как серьезный анализ литературы по проблеме, так и выдвигаются предложения по формированию критериев среднего класса,

⁵ Беляева Л.А. В поисках среднего класса в России // Социологические исследования. 1999. № 7.

⁶ Е. М. Авраамова и др. «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003. В рамках исследования в ноябре 2000 г. было проведено социологическое обследование, охватившее 5 тыс. домохозяйств в 12 регионах, которое было построено на методологии, репрезентирующей население Российской Федерации.

⁷ Малева Т.М., Овчарова Л.Н. и др. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ. 2008.

⁸ Григорьев Л. Внутренние противоречия формирования среднего класса в России // Дискуссия о среднем классе. М.: ИНСОР, Научная книга, 2008; Григорьев Л. Интересы и проблемы во время мирового кризиса: ответственность элит, понимание среднего класса и терпение бедняков // Экономика переходных процессов. Т. 2. Гл. 3.11; Григорьев Л., Салмина А. Структура среднего класса в России: гипотезы и предварительный анализ // Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. — М.: ИНСОР, Экон-Информ, 2009; Григорьев Л., Салмина А. Структура среднего класса в России: предварительный анализ для будущих исследований // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 12; Григорьев Л.М. Элиты и средний класс // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 13.

оценке его размеров, анализу его структуры и финансового поведения, выдвигается ряд гипотез для дальнейших исследований. Оценки размеров среднего класса у Л.М. Григорьева, как и в вышеупомянутых работах коллектива авторов под руководством Т. Малевой, близки во второй половине 2000-х гг. к 20% населения.

В 2009 г. было опубликовано исследование Н.Е. Тихоновой, С.В. Мареевой «Средний класс: теория и реальность»⁹. Данная работа представляет особый интерес, так как, в отличие от многих других исследований, здесь не только были выбраны критерии отнесения к среднему классу (наличие как минимум среднего специального образования, социально-профессиональный статус, доходы и количество товаров длительного пользования, самооценка социального статуса) и произведены его оценки (26% населения России в 2009 г.), но и проделана большая работа по выявлению ценностей отдельных слоев населения, включая и ценности среднего класса. Работа позволяет также сформировать группы модернистов¹⁰ и традиционалистов¹¹ (как ядер, так и периферии) и показать, из каких социально-экономических слоев населения состоят группы людей, сформированные по признаку однородности их ценностей. *Работа показала, что модернисты в значительной степени формируются из представителей среднего класса, в то время как традиционалисты - из представителей других слоев населения*, что приводит к выводу о значительной однородности систем ценностей как среднего класса, так и других массовых слоев. Возможности данной работы по оценке не только размеров среднего класса, но и системы его ценностей привели к использованию содержащихся в ней материалов в настоящем исследовании.

В 2010 г. исследование, проведенное ЦСР и РАНХиГС, показало, что около 29% населения может быть отнесено к среднему классу на основании таких критериев, как: доход, достаточный для приобретения стандартной квартиры с помощью ипотечного кредита, или наличие в качестве второго жилья квартиры или комнаты при более низком уровне доходов.¹²

Таким образом, ряд исследований, использующих различные подходы к оценке среднего класса, показали, что к концу 2000-х гг. в России к среднему классу могло быть отнесено от 20 до 30% населения.

2.2. Становление биполярной структуры общества во второй половине 2000-х гг.

⁹ М.: АльфаM, 2009.

¹⁰ Определение того, что понимается под модернистами, см. на с.30.

¹¹ Определение того, что понимается под традиционалистами, см. на с.20.

¹² Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. Средний класс в рентоориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией?// SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 13

Основным результатом ускоренного экономического развития России в 2000-х гг. стала структурная трансформация российского общества. Ее отправной точкой послужила почти однополярная структура, в которой единственной по-настоящему массовой и эlectorально значимой группой был сравнительно однородный слой традиционалистов с достаточно однородной системой ценностей и поведенческих стереотипов, представленный в основном малообеспеченным населением. За исключением высокой секуляризации сознания и поведенческих норм, в основном система их ценностей базировалась на традиционных установках: ориентации на уравнительность доходов, предпочтении стабильности риску, приоритете коллективных интересов над личными, незаинтересованности в личных достижениях, низком доверии к бизнесу, незначительном спросе на правовое государство, запросе на активную государственную перераспределительную политику, зависимости от социальных трансфертов.

Другие социальные группы, включая модернистов, состоящих, в том числе, из представителей среднего класса, были либо сравнительно малочисленны, либо слабо структурированы и неоднородны, поэтому обладали несопоставимо меньшим эlectorальным весом и политическим влиянием.

Однополярная социальная структура ограничивала эффективность многопартийной системы и политической конкуренции в парламентском формате. Все партии попадали в зависимость от левопопулистского эlectorата, что приводило к их конвергенции на левом фланге и вело к формированию популистских парламентов 1990-х гг. Дефолт 1998 г. подвел своеобразную черту под эволюцией этой системы, продемонстрировав экономические риски, связанные с ее политической несбалансированностью.

Однополярная структура российского общества облегчила начавшийся после 1999 г. процесс ограничения партийной конкуренции. Она позволяла обращаться к подавляющей части населения с однородным политическим контентом и на этой основе формировать широкую политическую базу партии власти. Привлечение на сторону партии власти иных, менее многочисленных, менее однородных и не столь влиятельных социальных групп упростилось благодаря быстрому экономическому росту, который уменьшил перераспределительные конфликты между социальными группами и обеспечивал парето-оптимальное развитие “win-win”. Количество проигравших было минимально, а подавляющее большинство повышало уровень жизни либо за счет доходов от экономической деятельности, либо в результате активной перераспределительной политики государства.

Но одним из результатов успешного экономического развития 2000-х гг. явилось формирование гораздо более массового, однородного и влиятельного слоя модернистов, состоящих в основном из представителей среднего класса, политический вес которого к концу десятилетия существенно уступал его возросшему социально-экономическому влиянию. Важно отметить, что во второй половине 2000-х гг. как среди ядра модернистов, так и среди их периферии росла доля представителей среднего

класса. При этом вытеснялись представители других слоев, что вело к повышению социальной однородности слоя модернистов и их сближению по составу с ядром среднего класса. Кризис 2008-2009 гг. привел к небольшому сокращению численности модернистов, но одновременно и к повышению однородности этой группы. Поскольку в значительной своей массе в конце 2000-х гг. слой модернистов состоит из представителей среднего класса, и поскольку целый ряд характеристик социального и имущественного положения приводится в работе Н.Тихоновой для среднего класса, то далее мы приводим данные по среднему классу.

Основа массового среднего класса сформировалась еще в советское время – в период с 1970 по 1990 гг., когда в нашей стране был заложен фундамент общества массового потребления. Одним из индикаторов этого процесса может служить удельное количество легковых автомобилей. В течение этого периода оно выросло в 10 раз – гораздо больше, чем в последующие два десятилетия (*Рис. 2.1.*). Быстрыми темпами росла обеспеченность бытовой техникой и другими предметами длительного пользования. К 1990 г. как минимум треть жилого фонда находилась в личной собственности. (*Рис. 2.2.*). В сочетании с распространением высшего образования это создавало предпосылки для формирования влиятельного среднего класса, который по своим социально-имущественным характеристикам постепенно сближался со средним классом стран Западной Европы периода 50-60х гг. прошлого века.

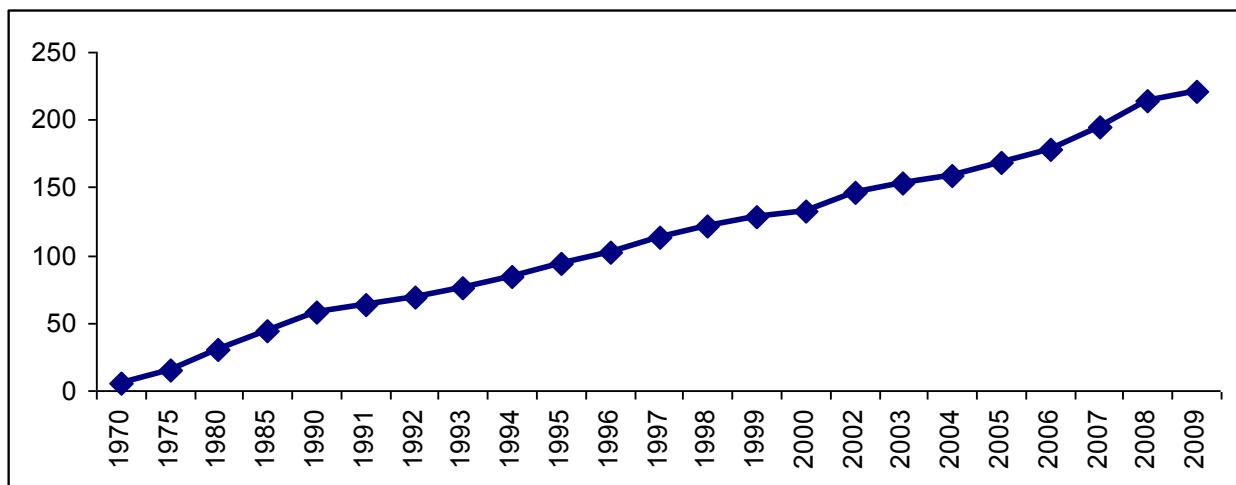

Рис. 2.1. Наличие собственных легковых автомобилей на 1000 населения по регионам РФ (на конец года, шт)

Источник: Российский статистический ежегодник:
Стат.сб./Госкомстат России. М., 2001

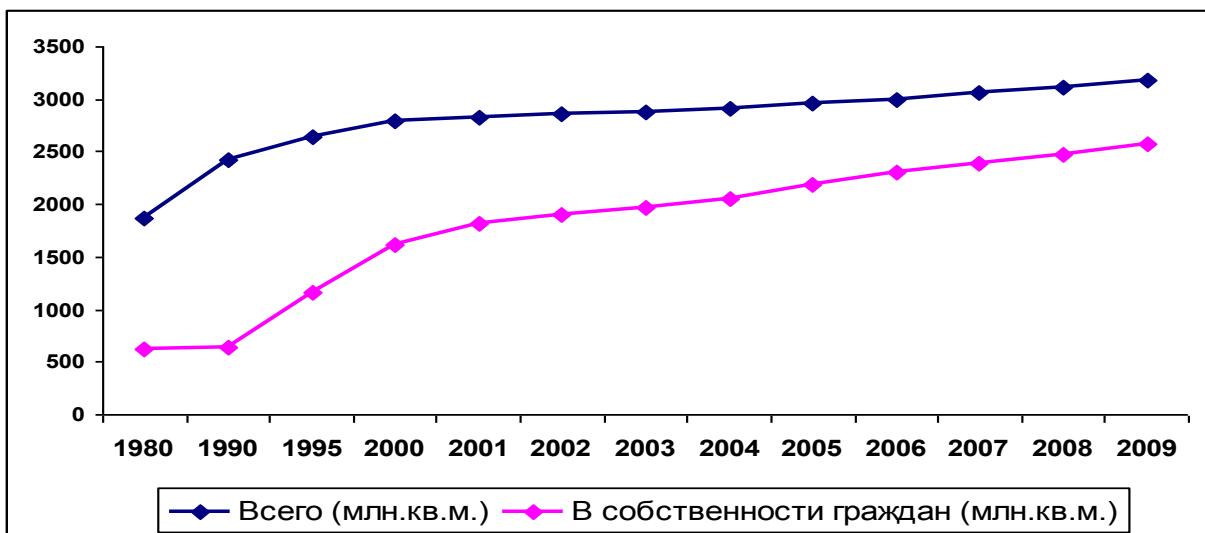

Рис. 2.2. Жилищный фонд

Источник: Российский статистический ежегодник. 2010: Стат.сб./Росстат. М., 2010

Есть все основания считать, что новый советский средний класс сыграл немалую роль в процессах перестройки и падении коммунистического режима. Из него вышли многие политические лидеры, и он во многом сформировал запрос на ту повестку развития, которая была реализована в ходе политических и рыночных реформ начала 1990-х.

Однако глубокий кризис 1990-х привел к сокращению численности среднего класса и ослаблению его социального влияния. На положении среднего класса не могло не сказаться ухудшение состояния отраслей бюджетной сферы и высокотехнологичных отраслей промышленности, включая машиностроение и ВПК. Хотя, по оценкам Н.Тихоновой (здесь и далее – ссылка на упоминавшуюся во введении монографию 2009 г.), ядро советского среднего класса в основном сохранило свою принадлежность к среднему классу в этот период, но вероятность сохранения социальных позиций у примыкавших к нему слоев составляла около 50%.

Падение реальных доходов населения в 1992 г. по сравнению с их уровнем в 1990 и особенно в 1991 г. было настолько глубоким, что их уровень к началу кризиса 1998-1999 гг. не восстановился. Падение реального потребления населения, как показывает ряд исследований, также имело место, хотя его масштабы были меньше масштабов падения ВВП и доходов.¹³ Качество среднего класса было очень невысоким: бюджетники со стабильными, но низкими и снижающимися доходами и изнашивающимися активами и представители новых форм бизнеса, в том числе торгового и

¹³ См., например, Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрушак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

криминального, с относительно высокими, но нестабильными доходами в значительной мере отличались от традиционного среднего класса в развитых странах. Потребление среднего класса в 1990-е гг. характеризовалось рядом особенностей. Практически полное отсутствие супер-, гипермаркетов, торговых сетей приводило к тому, что средний класс покупал продукты питания и одежду на оптовых рынках, в палатках, киосках и т.п.¹⁴ Отсутствие сетевых кафе и ресторанов с оптимальным для среднего класса соотношением «цена-качество» и необходимость экономить при не очень высоких и медленно растущих доходах приводили к нечастому посещению кафе и ресторанов: даже в 2000 г. представители среднего класса тратили на еду вне дома не более 2% потребительских расходов (по оценкам Росстата). Неразвитость системы услуг (финансовых, жилищных, туристических, развлекательных и т.д.), отсутствие возможности покупки услуг через интернет приводило к относительно высоким ценам на них и снижало потребление услуг средним классом.

К началу 2000-х гг. российский средний класс пришел в ослабленном состоянии. Его доля в населении, вероятно, не превышала 15%, а политическое влияние существенно ослабло по сравнению с периодом поздней перестройки.

К концу 2000-х гг. благодаря быстрому росту уровня жизни, повышению образовательного уровня, изменениям в структуре занятости и другим социально-экономическим процессам, средний класс превратился в одну из наиболее массовых социальных групп. Его численность достигла не менее 25% от общей численности населения, около 1/3 взрослого населения и 40% работающего населения и почти половины работающего населения крупных городов (*Рис. 2.3.*).

Эти цифры были получены Н.Тихоновой на основе методологии, подробно описанной в упомянутой выше монографии. Критериями для отнесения респондента к среднему классу являлись:

- оценка социально-профессионального статуса - критерий нефизического характера рода;
- оценка человеческого капитала – критерий наличия по меньшей мере среднего специального образования;
- оценка экономического статуса – критерий среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или число наименований имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианных значений по населению в целом;
- оценка самоидентификации своего статуса – критерий интегральной самооценки индивидом своего положения в обществе по 9-ти или 10-ти балльной шкале от 4 баллов и выше.

¹⁴ См., *Unlocking Economic Growth in Russia*. McKinsey Global Institute. 1999.

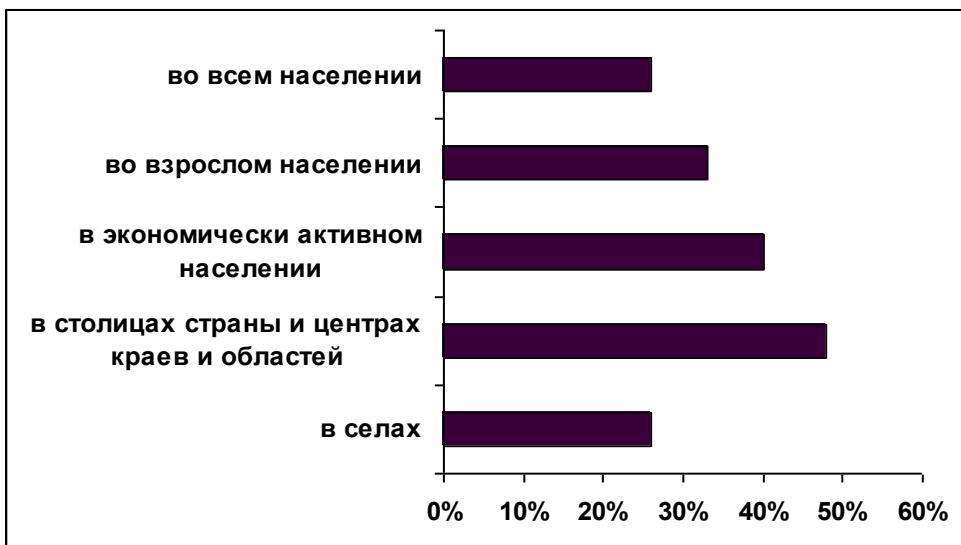

Рис. 2.3. Доля среднего класса

Источник: Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность. М. АльфаМ, 2009.

Средний класс конца 2000-х гг. разительно отличается от того, каким он был в 1990-е гг. Развитие сетевого общественного питания сделало обыденным явлением питание в кафе и ресторанах. Сетевая торговля позволила повысить качество и снизить издержки покупки одежды, обуви, товаров длительного пользования. Развитие системы разнообразных услуг привело к более частому их приобретению. Так, например, за 2000-е гг., по данным Росстата, доля расходов на услуги по организации досуга (отдых, посещение культурных мероприятий) выросла в потребительских расходах среднего класса более чем в 6 раз. Возможности использования интернет для приобретения товаров и услуг еще больше приблизили уровень потребления российского среднего класса к уровню потребления средних слоев в развитых странах.

Исследование Н.Тихоновой позволяет проследить особенности социального и имущественного положения среднего класса, которые отчетливо выделяют его на фоне других социальных групп.

В 2008 г. около 50% работающих представителей среднего класса было занято в госсекторе, 19% - на приватизированных предприятиях, 21% - на вновь созданных частных предприятиях, 11% - в кооперативах, общественных организациях и т.д. или являлись самозанятыми. В 2009 г. доля работающих в госсекторе сократилась до 46%, на приватизированных предприятиях – до 11%, на вновь созданных частных предприятиях - выросла до 23%.

Ядро среднего класса заметно превосходит население, не принадлежащее к среднему классу, не только по уровню доходов, но и по показателям обладания автомобилями (особенно иномарками) (к концу 2000-х гг. разрыв между количеством автомобилей на 100 домашних хозяйств среднего класса в России сократился по сравнению со значением этого

показателя в среднем по США до 1,9 раза), объектами недвижимости (Рис. 2.4.), а также многими видами товаров длительного пользования (Рис. 2.5.). Средний класс обладает значительно большей свободой расходования средств на текущее потребление и намного более активен в различных формах сберегательного поведения (Рис. 2.6.). Согласно фокус-группам, проводившимся нами с представителями среднего класса, основными формами долгосрочного сберегательного поведения стала покупка недвижимости, в том числе за рубежом, а также – до кризиса – покупка ценных бумаг, в том числе выпускаемых зарубежными эмитентами.

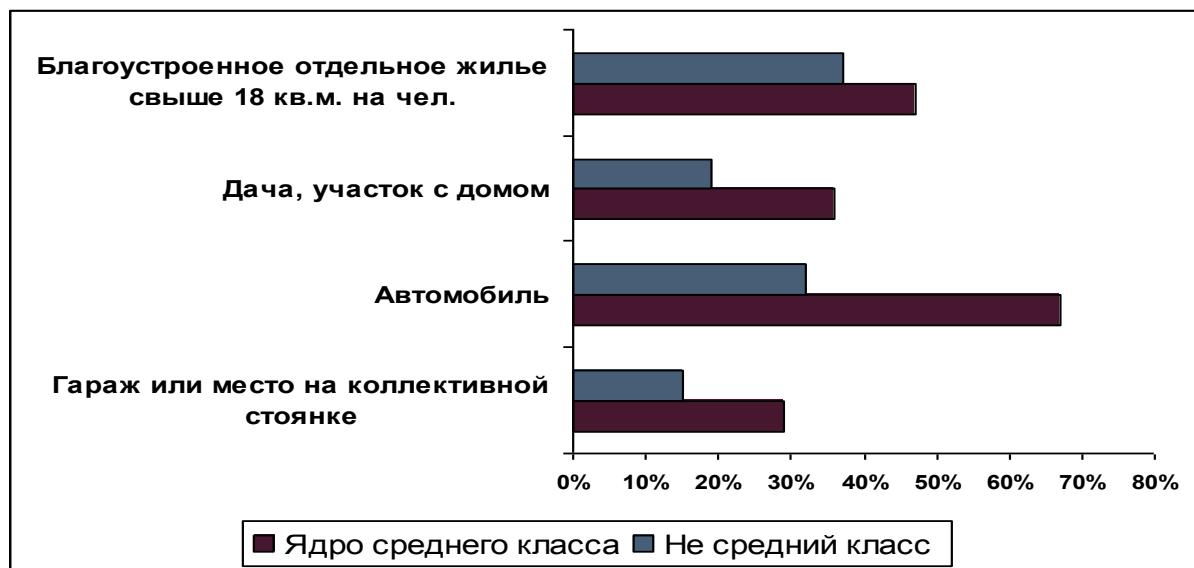

Рис. 2.4. Некоторые виды имущества, находящегося в собственности различных групп россиян (2008 г.)

Источник: Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность–М. : АльфаM, 2009.

Рис 2.5. Наличие ТДП в различных социальных группах (2008 г.)

Источник: Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность—М. : АльфаM, 2009.

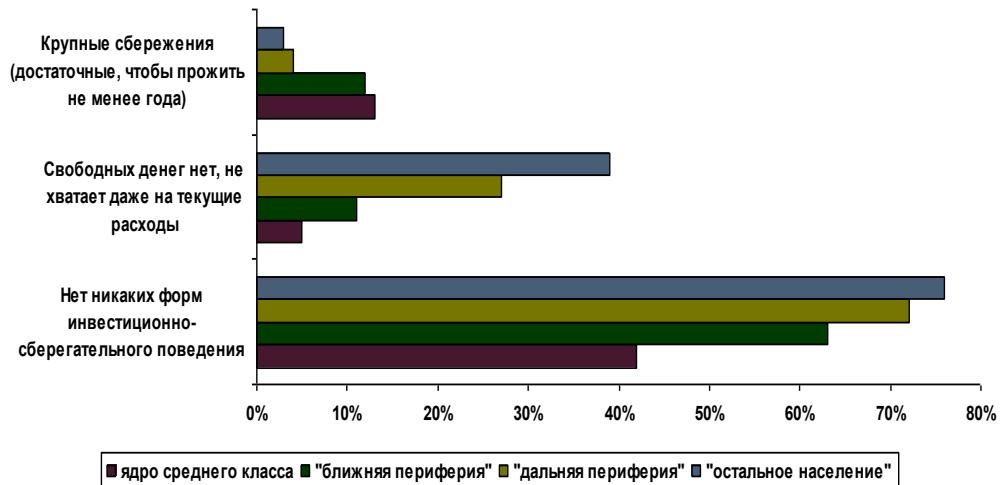

Рис. 2.6. Характеристики финансового положения различных групп россиян

Средний класс не только более образован (критерий образования учитывался при включении респондентов в состав среднего класса), но происходит из более образованных семей (*Рис. 2.7*), что в целом обеспечивает ему высокий культурный багаж. Кроме того, средний класс намного более активно занимается самообразованием по сравнению с другими группами населения (*Рис. 2.11.*).

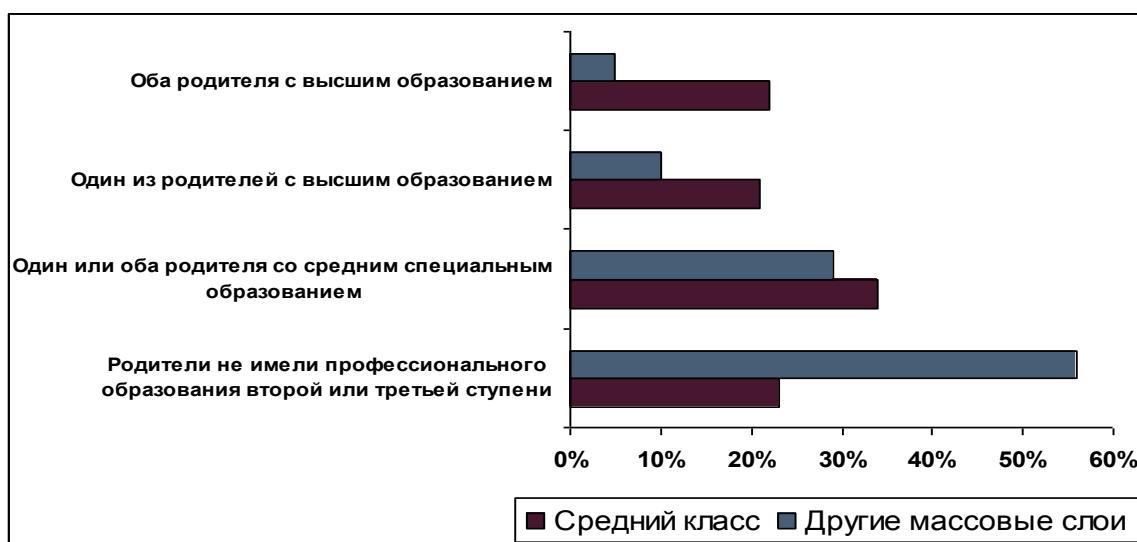

Рис. 2.7. Образование родителей

Средний класс существенно превосходит другие слои по показателям социального капитала. Благодаря этому меньшая доля его представителей не имеет связей, позволяющих помочь в устройстве на хорошую работу, поступлении в хороший вуз, устройстве детей в хорошую школу, продвижении по карьерной лестнице, решении жилищной проблемы, обращении к хорошим врачам или устройстве в хорошую больницу (*Рис. 2.8.*).

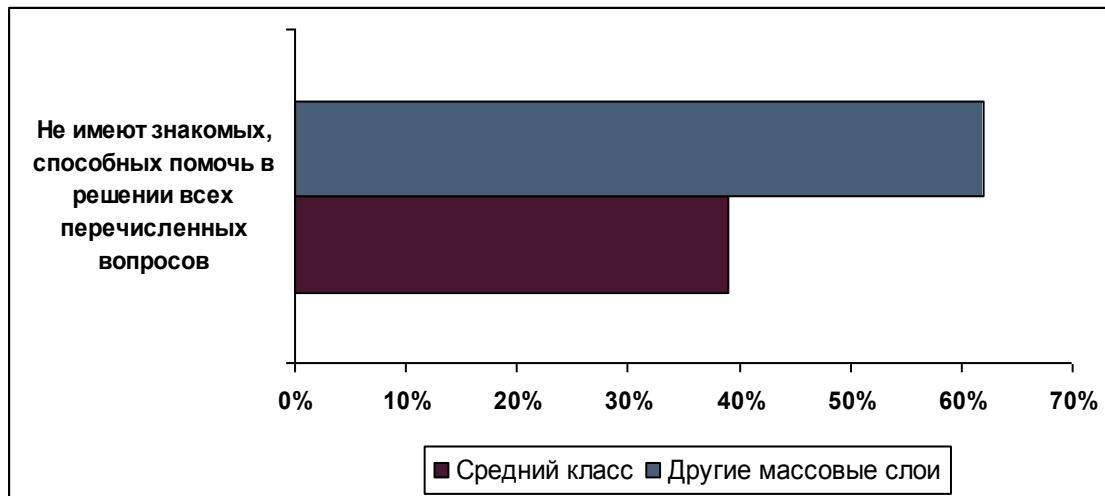

Рис. 2.8. Использование социальных связей

Средний класс отличает склонность к более здоровому образу жизни (*Рис. 2.9*) и несравненно более высокая включенность в информационные технологии (*Рис. 2.10.*).

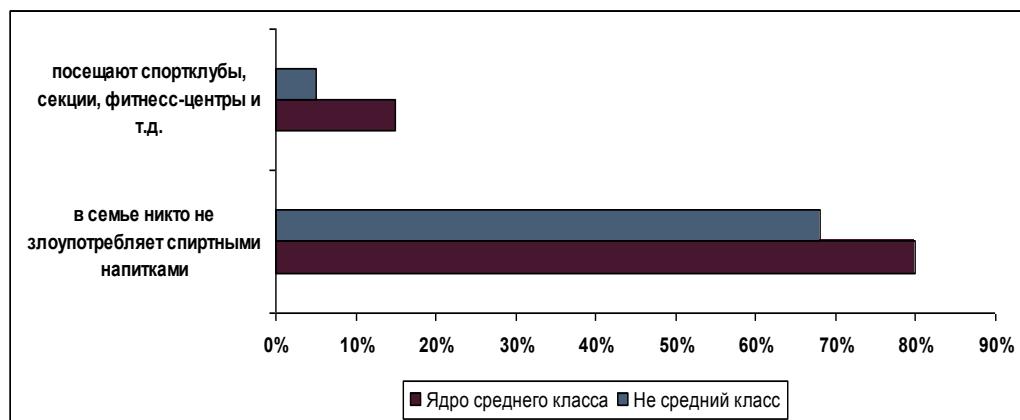

Рис. 2.9. Здоровый образ жизни

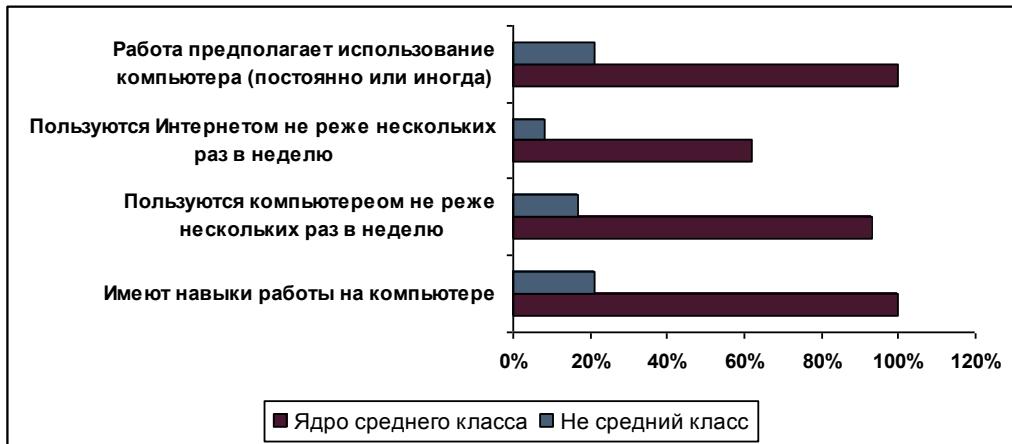

Рис. 2.10. Включенность в информационные технологии

Отличаются предпочтения среднего класса и в духовной жизни. Гораздо больше времени, чем другие слои населения, он уделяет повышению своего образования, интернету и театру. Напротив, значительно меньше времени тратится на просмотр телесериалов (*Рис. 2.11*).

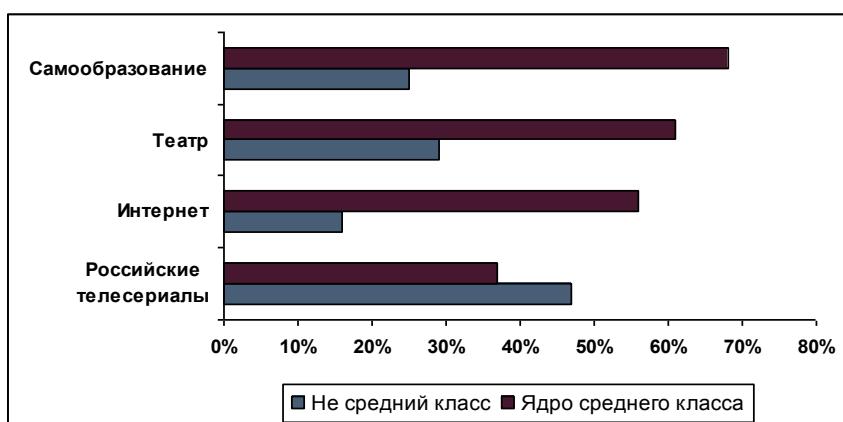

Рис. 2.11. Предпочтения в духовной жизни

Но наиболее принципиальные в политическом плане особенности среднего класса проявляются в ценностных и мотивационных аспектах. Для среднего класса характерно доминирование достижительных мотиваций (*Рис. 2.12.*), ориентация на европейские ценности (*Рис. 2.13.*). Его представители в гораздо большей степени полагаются на собственные силы, ориентированы на творческие виды деятельности, хотят быть яркими индивидуальностями. В экономическом плане большинство из них категорически не заинтересовано в переделе собственности, отрицают идеи уравнительности доходов и отстаивают принцип равенства возможностей. По всем этим характеристикам они резко контрастируют с людьми, не относящимися к среднему классу (*Рис. 2.14.*).

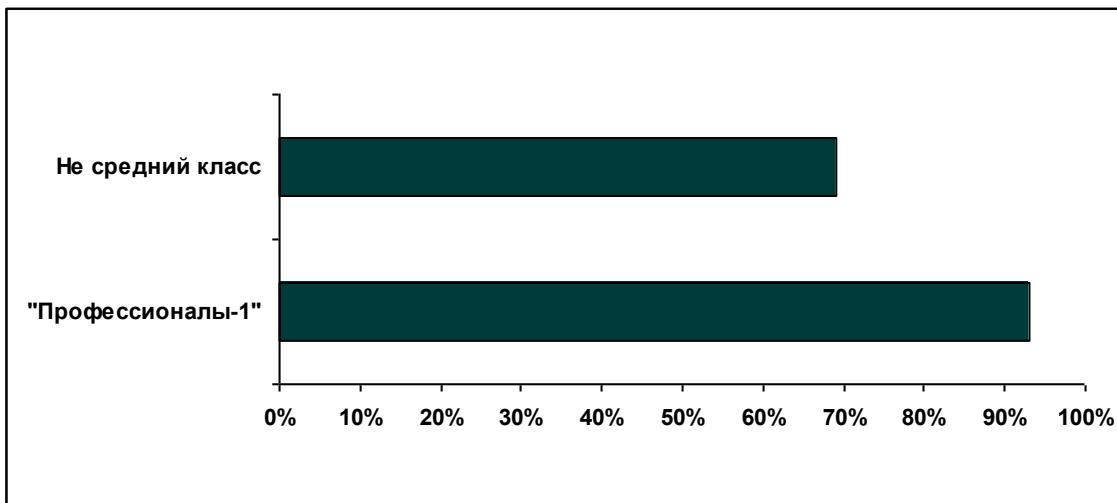

Рис. 2.12. Наличие достижительных мотиваций

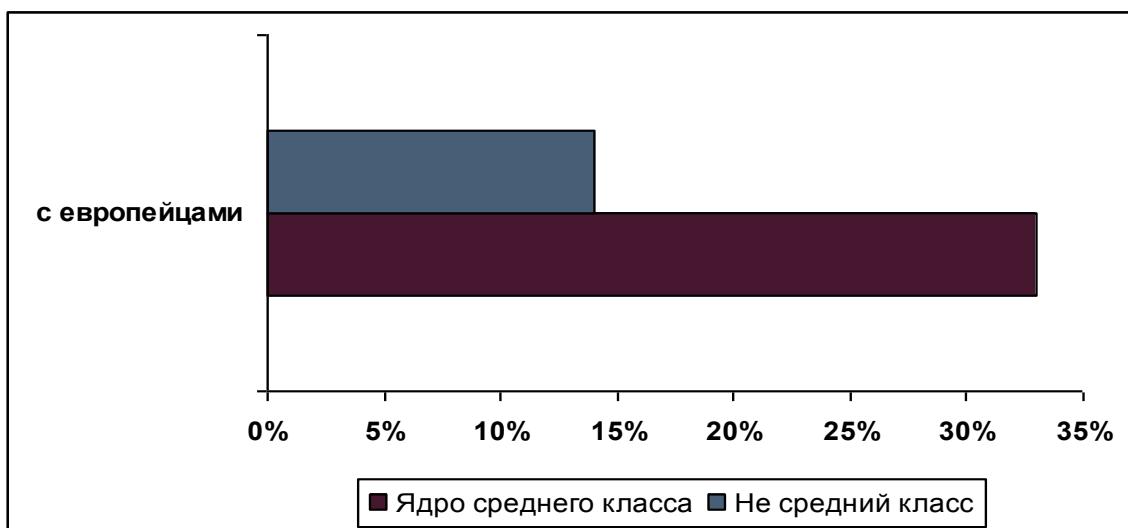

Рис.2.13. Ориентация на европейские ценности

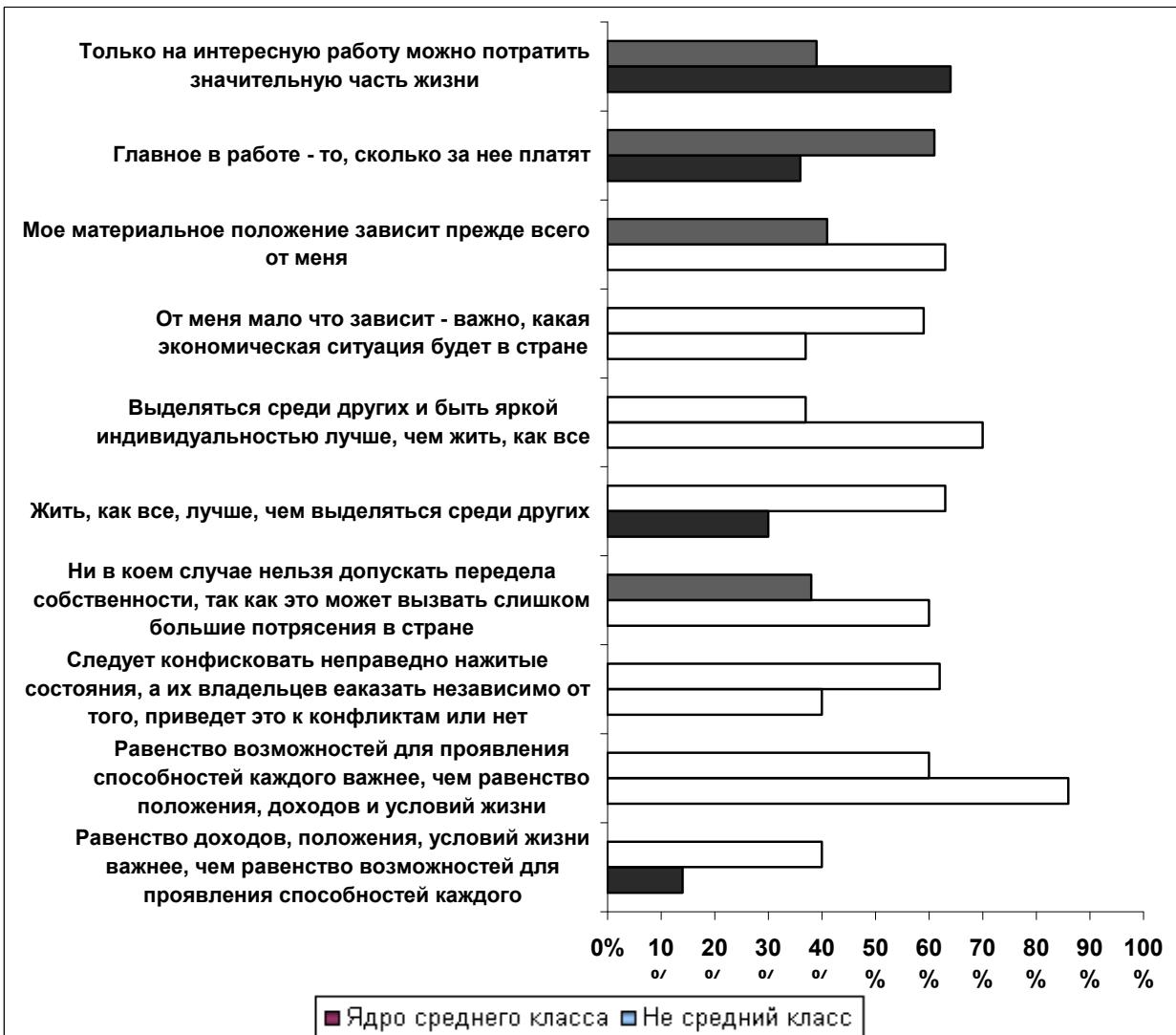

Рис. 2.14. Ценности и мотивации

В результате общий уровень модернизированности сознания и поведения среднего класса разительно отличается от населения, не относящегося к среднему классу (Рис. 2.15). В число индикаторов, характеризующих общий индекс модернизированности респондентов, в исследовании Н.Тихоновой вошли:

- ориентация на саморазвитие, свободу и достижения;
- особенности мотивации к труду;
- осознание плюрализма интересов индивидов и социальных групп и степень толерантности к этому плюрализму;
- представление о демократической организации общества как формы организации плюрализма интересов;
- преобладание рационально обусловленных действий, прежде всего в сфере экономических решений;
- личная ответственность индивида за свою судьбу и внутренний локус-контроль;
- развитие индивидуализма и нонконформизма;

- приоритет интересов личности в дилемме личность-общество и формирование понятия прав человека.

В свою очередь при выделении в совокупной выборке «ядра модернистов», в нем около половины в 2008 г. составили представители ядра среднего класса, в то время как доля лиц, не относящихся к среднему классу, оказалась менее 20% (*Рис. 2.16.*). Примечательно, что в 2006 г. доля лиц, не относящихся к среднему классу, была примерно в 2 раза выше. Это свидетельствует о росте социальной однородности модернистского полюса.

В свою очередь в составе «ядра традиционалистов» доминируют представители групп, не относящихся к среднему классу и, в особенности, к его ядру (*Рис. 2.17*). Налицо процесс глубокого ценностного и поведенческого размежевания, который растягивает российское общество на модернистский и традиционалистский полюса. Оба эти полюса характеризуются повышенной однородностью социальных установок и ориентируются на взаимоисключающие ценности и мотивации.

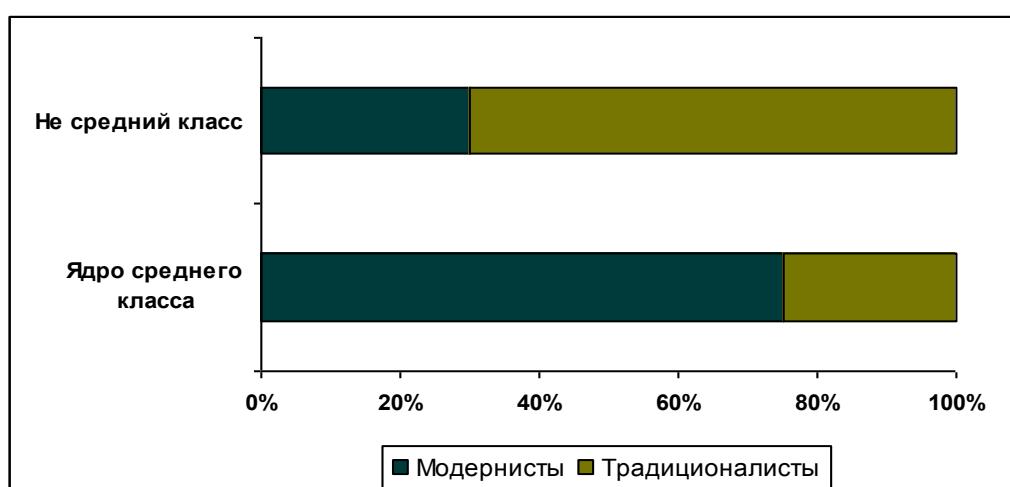

Рис. 2.15. Степень модернизированности сознания и поведения

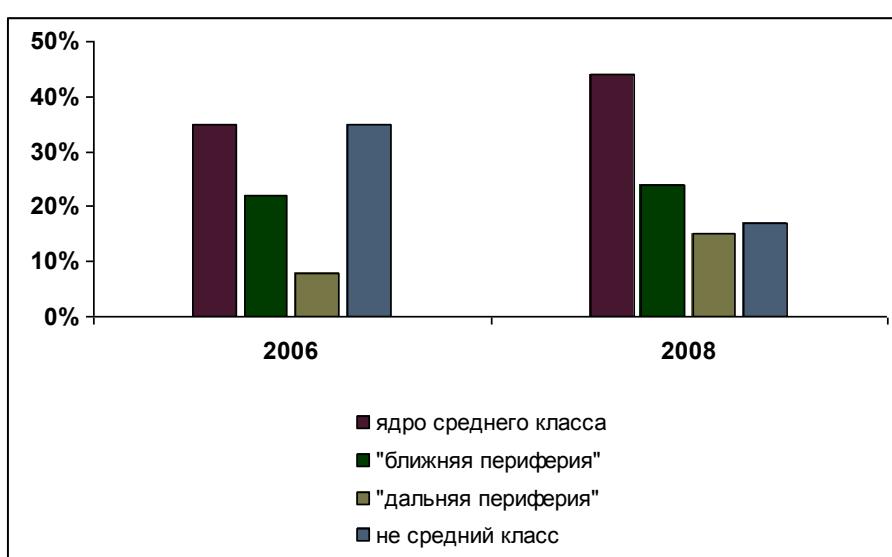

Рис. 2.16. Ядро модернистов

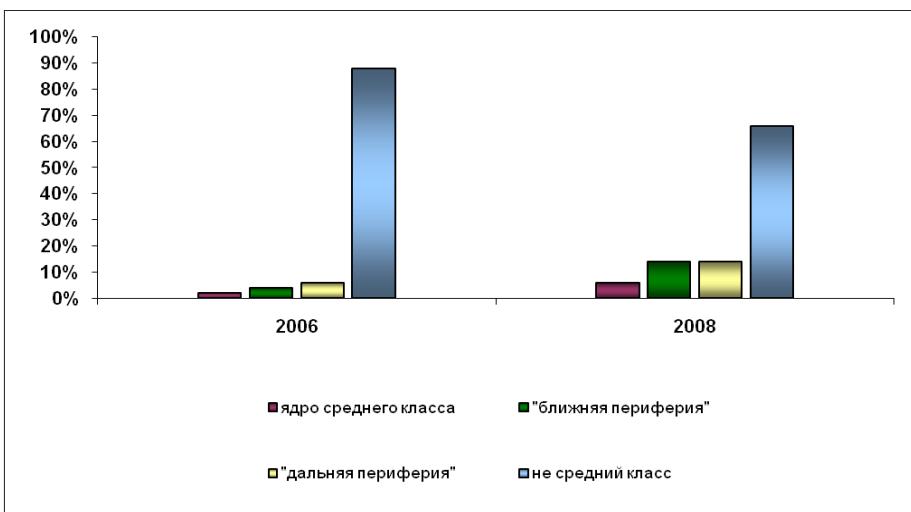

Рис. 2.17. Ядро традиционалистов

Потенциальные конфликты между полюсами будут носить и перераспределительный характер. Об этом свидетельствуют данные наших фокус-групп в Москве и в других крупных городах, а также и статистика структуры доходов населения.

По данным фокус-групп, представители городского среднего класса предъявляют повышенный спрос на правовое государство, демонстрируют либертарианские настроения (крайнее недоверие к государству и нежелание от него зависеть) и проевропейскую ориентацию. Подобные установки слабо представлены или практически отсутствуют у других групп населения.

В отличие от других слоев населения, средний класс слабо заинтересован в получении государственных социальных трансфертов. Например, по нашим расчетам, доля социальных выплат в доходах москвичей, большинство из которых относится к ядру среднего класса или его ближайшей периферии, составляла в 2008 г. менее 10%, а в предыдущие годы падала до 6%.

При этом у населения России в целом свыше половины совокупных доходов приходится на социальные трансферты и заработную плату (значительная часть которой напрямую финансируется из бюджета в виде зарплаты или опосредованно: через субсидии, государственный заказ и государственные инвестиции).

В Москве накануне кризиса средняя доля этих источников была на треть ниже. Диаграмма на *Рис. 2.18.* показывает резкое снижение значимости социальных трансфертов в доходах для верхних децильных групп, к которым относится большинство представителей среднего класса. По данным Н.Тихоновой, в системе частных трансфертов ядро среднего класса выступает в роли нетто-донора, меньше получая помощи от других, но чаще оказывая ее другим группам населения.

Повышенный спрос на государственную перераспределительную политику, в том числе ценой роста налоговой нагрузки и потери

макроэкономической устойчивости, предъявляют прежде всего группы, не относящиеся к среднему классу. Это создает почву для появления и воспроизведения устойчивых социальных конфликтов в обществе. С учетом массовости обоих социальных полюсов подобные конфликты будут переходить в политическую плоскость и сопровождаться идеологическим размежеванием партийно-политических структур.

Как будет показано ниже, попытки решить проблему социальной поляризации путем снижения неравенства доходов за счет увеличения социальных выплат не решают данную проблему, поскольку она имеет более глубокие социальные корни и не сводится исключительно к материальному неравенству. Наоборот, такая политика ведет к возникновению перераспределительных конфликтов между социальными полюсами, легко переходящих в политическую плоскость.

Примеры подобных конфликтов уже существуют. К их числу относится масштабное повышение пенсий более чем на 50% в реальном выражении в период с 2008 по 2010 гг. Оно было задумано с целью привлечь пенсионный избирательный округ на сторону «Единой России» на парламентских выборах и кандидата партии власти – на президентских. Но попытка поднять ставку страховых взносов в качестве источника для покрытия дополнительных расходов натолкнулась на жесткое сопротивление деловых кругов. В частности, впервые за многие годы в крупнейших городах страны прошли крупные демонстрации протesta представителей малого бизнеса. В конце концов, власти вынуждены были отказаться от первоначальных планов повышения ставок для малых предприятий, а рост пенсий в 2011 г. резко замедлился. Внесистемный политический вес сравнительно немногочисленного отряда малого бизнеса оказался достаточным, чтобы отчасти нейтрализовать количественное электоральное превосходство российских пенсионеров.

Доля социальных трансфертов в совокупном доходе домохозяйств-получателей из различных децильных групп, после-трансфертные показатели доходов, средний %

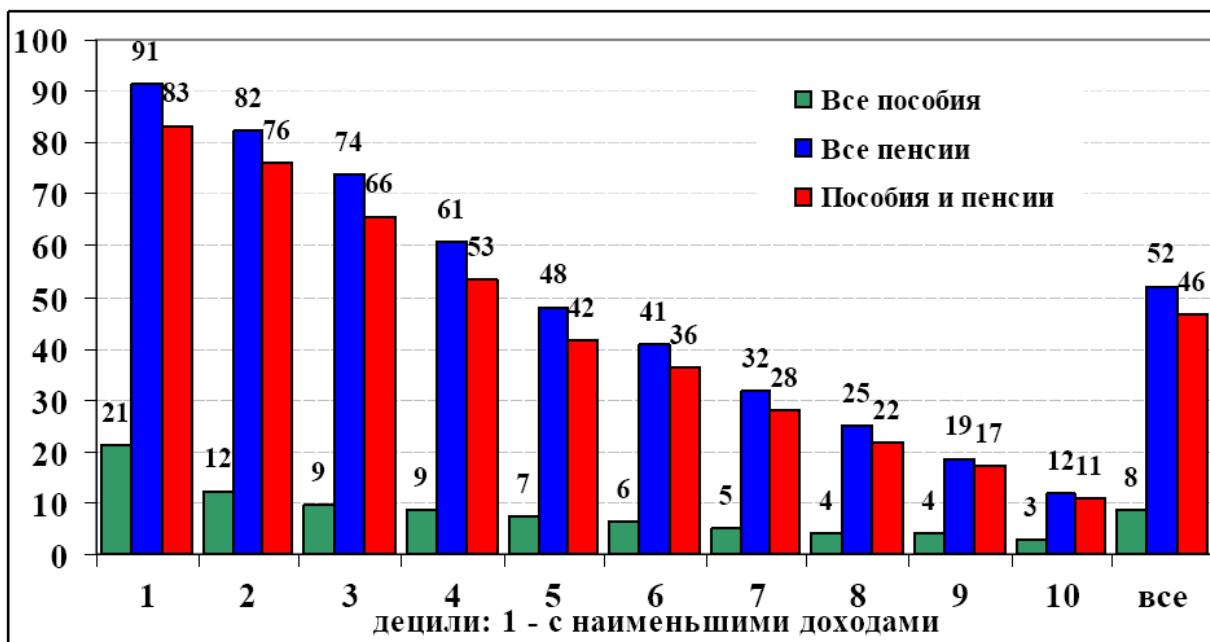

Рис. 2.18.

Источник: расчеты по базе данных всероссийского обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)» 2007 г. М.А. Малкова. Государственные социальные трансферты. Конференция «Семья. Общество. Государство. Независимый институт социальной политики. 17 декабря 2009 г. http://www.socpol.ru/news/conf_17-12-2009.shtml

В политической плоскости социальная поляризация может выражаться в опережающем росте протестных настроений на социально-имущественных полюсах. Некоторые признаки такой поляризации уже имеются в социологических данных.

В качестве индикатора, отражающего политические настроения общества, нами был выбран косвенный вопрос о том, растет ли в обществе недовольство политикой властей. Такой вопрос меньше подвержен искажениям, поскольку ставит респондента в позицию эксперта, которая воспринимается как менее «опасная» для него. Гипотеза исследования состояла в том, что протестные настроения нижних и верхних слоев общества имеют разную природу, которая должна определенным образом проецироваться на распределение ответов.

Согласно результатам опроса, в России без Москвы (в дальнейшем – в регионах России) 34% населения считают, что недовольство властями усиливается. В группе с низким потребительским статусом такого мнения придерживаются 35% опрошенных, в группе с высоким статусом – 32%. Сальдо оценок составляет (-3%), т.е. близко к величине статистической

ошибки. Все же оно может свидетельствовать о слабой отрицательной корреляции между признаками: рост доходов уменьшает число респондентов, считающих, что недовольство властями усиливается.

В Москве наблюдается принципиально иная картина: 46% населения считают, что недовольство властями усиливается. В группе с низким потребительским статусом такого мнения придерживаются 44% опрошенных, в группе с высоким статусом – 49%. Сальдо оценок между низшим и средним классом составляет (+ 4%). Таким образом, видны сразу две тенденции.

Во-первых, мнение о росте недовольства властями среди москвичей распространено заметно чаще, чем в остальной России (46% против 34%). Этот результат хорошо согласуется с заметным падением популярности Ю.Лужкова в период, предшествовавший его отставке.

Во-вторых, в Москве рост доходов увеличивает долю респондентов, считающих, что недовольство властями усиливается. Это небольшое, но значимое различие станет еще более значимым, если учесть, что в регионах России сальдо таких оценок находится в отрицательной области. Хотя суммирование векторов в данном случае не вполне корректно, можно говорить о наличии противоположной тенденции, суммарно составляющей 7%, что является статистически значимой величиной.

Эти выводы хорошо согласуются с представленными выше аргументами о том, что в течение последнего десятилетия экономические интересы значительной части населения Москвы и московского среднего класса в особенности стали все более расходиться с политикой московских и (в плане развития институтов защиты прав собственности) – федеральных властей.

Средний класс предъявляет повышенный спрос на такие социальные изменения, в которых политика властей давала явные сбои на всем протяжении 2000-х гг. Прежде всего – это спрос на равенство всех граждан перед законом, независимо от их близости к власти или богатству. Именно на равноудаленность от власти и богатства должны быть ориентированы реформы в правоохранительной и судебной системах, а также меры по борьбе с коррупцией и привилегиями чиновников. Не менее важным приоритетом является обеспечение доступности качественных административных и социальных услуг, прежде всего связанных с развитием человеческого капитала. Постепенно в среде среднего класса возникает понимание, что без коренного изменения существующей политической системы добиться существенного прогресса по этим направлениям невозможно.

Дальнейшая детализация показателей недовольства властями по социальным группам приводит к еще более значимым результатам. Существенным признаком, влияющим на различие оценок улучшения/ухудшения отношения к властям, оказался гендер. В регионах России этот фактор практически не влияет на оценку динамики недовольства: по мере роста дохода эта оценка снижается и в гендерных, и

возрастных группах. Наиболее сильно данная тенденция выражена в возрастной группе 35–54 лет. Отсюда можно сделать вывод о том, что доходы населения (особенно трудоспособного) в регионах России зависят от близости респондентов к властям, что и обеспечивает их большую лояльность, выраженную через данный показатель.

В Москве ситуация принципиально иная. Женское население Москвы не демонстрирует аномалии в сравнении с остальной Россией. С ростом дохода доля тех, кто считает, что недовольство властями усиливается, заметно снижается: с 49% до 42%, сальдо (- 7%), причем эта тенденция наблюдается во всех возрастных группах.

В мужской же части населения Москвы тенденции совсем иные. С ростом дохода доля тех, кто считает, что недовольство властями усиливается, значительно возрастает: с 40% до 55%, сальдо (+15%). Наиболее сильно эта тенденция выражена в младшей возрастной группе: от 18 до 34 лет, сальдо (+24%) – для социологических опросов это очень большая величина. Полученные данные свидетельствуют о том, что недовольство властями в низшем и среднем социальных классах в Москве оказалось скоррелированным с гендерным признаком: у женщин более выражена заметность протesta низкодоходных, а у мужчин – высокодоходных групп.

Если перевести эти данные в абсолютные цифры, то можно сказать, что в Москве существует около полумиллиона успешных в деловом отношении мужчин, считающих, что недовольство властями у людей усиливается, и являющимися выразителями такого недовольства. Похожие люди, безусловно, есть и в других крупных городах, а также среди успешных в деловом отношении женщин, хотя существующая статистика в данный момент не позволяет их идентифицировать.

Чтобы представить себе данный социальный слой, достаточно посмотреть на экспертов (в подавляющем большинстве мужчин), выступающих на телевизионном канале РБК. На их примере хорошо видны основные черты этого слоя: высокая деловая компетентность, образованность, активная жизненная позиция, понимание ситуации в стране, способность к конструктивному диалогу, полное отсутствие экстремизма.

Значимый рост недовольства у людей, которых с полным правом можно назвать ядром деловой элиты страны или верхней частью среднего класса, есть факт, заслуживающий самого серьезного отношения. Хотя с точки зрения численности эта группа кажется незначительной, ее влияние далеко не пропорционально численности. Но главное состоит в том, что претензии к властям со стороны этой группы принципиально иные, чем у остального населения: они связаны не с недостатком получаемых ими социальных трансфертов, в которых они не нуждаются, а с состоянием делового климата и правопорядка в стране. Это «правая» повестка дня, сегодня не имеющая адекватного представительства в политической системе.

На противоположном социальном полюсе тенденции к росту политического недовольства ярче всего проявляются через возрастную дифференциацию. Как уже было показано в первой части доклада, самое

быстрое падение поддержки «Единой России» наблюдается в последнее время среди пенсионеров, которые, согласно имеющимся социологическим данным, гораздо больше, чем другие возрастные группы, тяготеют к полюсу традиционалистов.

Существенным фактором, отталкивающим этот полюс от власти, служит нелегитимное обогащение представителей власти и связанного с ними бизнеса, а также демонстративные проявления богатства и власти. По меткому наблюдению И.М. Бунича, это свидетельствует о том, что власти не разделяют основополагающие принципы равенства доходов и социальной справедливости, которых придерживается традиционалистское ядро. Компенсировать этический конфликт путем простого наращивания социальных выплат больше уже не удается.

Осознание несправедливости сближает оба социальных полюса, способствуя их протестной консолидации. Это, в частности, выражается в готовности представителей ядра модернистов голосовать за левые оппозиционные партии на думских выборах.

Основные выводы

К концу прошедшего десятилетия в обществе произошли структурные сдвиги, в результате которых российский социум утратил монополярную структуру, характерную для него в период второй половины 1990-х и первой половины 2000-х гг. Ситуация монополярности возникла в результате заметного ослабления под влиянием экономического кризиса 1990-х среднего класса, который начал формироваться еще в позднюю советскую эпоху.

Монополярность российского общества способствовала кризису российского парламентаризма в 1990-е гг. и создала предпосылки для монополизации политической системы в первой половине 2000-х гг.

Но экономический рост истекшего десятилетия ускорил формирование массового городского среднего класса, численность которого достигла четверти всего населения страны и трети взрослого населения. Анализ доходов, имущественного статуса, поведенческих норм, ценностей и политических ожиданий свидетельствует о высокой степени целостности и однородности этой системы ценностей и о несовместимости ее с ценностями социального полюса на левом фланге.

Противоречия между полюсами усиливаются и отчасти приобретают антагонистический характер. В условиях кризиса и медленного роста доходов они выливаются в перераспределительные конфликты по типу игры с нулевой суммой.

Социологические данные свидетельствуют о том, что другие массовые группы населения менее однородны. По своим социальным характеристикам,

ценностям они занимают промежуточное положение между полюсами и в конечном счете тяготеют к одному из этих полюсов.

Монополизированная политическая система вынуждена так или иначе апеллировать к обоим полюсам, но балансировать между ними в силу их принципиальной несовместимости становится все труднее. Обеспечить политическое представительство среднего класса она не смогла, в то время как электорат, не входящий в средний класс, все больше предпочитает голосовать за левые оппозиционные партии.

Протестные настроения растут и имеют тенденцию концентрироваться на социальных полюсах, суммарная численность которых составляет уже более 50% взрослого населения страны. Для обоих полюсов характерно осознание несправедливости власти, которую каждый из полюсов понимает по-своему.

Для ядра модернистов несправедливость выражается прежде всего в зависимости судебной и правоохранительной системы от власти и богатства, которая не позволяет рядовому гражданину отстаивать свои законные права, ведет к бесконтрольной коррупции, а также к падению качества и доступности базовых социальных и административных услуг. Для ядра традиционалистов несправедливость выражается прежде всего в демонстративном незаконном обогащении представителей власти и связанного с ней бизнеса, которое вступает в неразрешимое противоречие с официально декларируемыми принципами социальной справедливости и равенства.

На почве несправедливости власти наблюдается протестная консолидация обоих социальных полюсов. В частности, представители ядра модернистов все чаще выражают готовность голосовать за левые оппозиционные партии.

В условиях политической радикализации социальных полюсов политическая база партии власти все более формируется из промежуточных социальных слоев. Такая опора неустойчива в силу ее аморфности и тяготения к более сильным, однородным и многочисленным социальным полюсам. Это создает объективные социальные предпосылки для кризиса и последующей трансформации неконкурентной политической системы.

Дальнейший процесс политической трансформации наталкивается на риски, обусловленные асимметричностью политического влияния полюсов и развитием на этой почве трудно разрешимых перераспределительных конфликтов.

Высокий социальный капитал, доступ к интернету, доминирование в СМИ и концентрация в крупнейших городах повышают потенциал внесистемной самоорганизации среднего класса и возможности протестного давления на власть, которыми не обладает противоположный социальный полюс. Будучи не представлен в партийно-политической системе, средний класс все чаще будет прибегать к внесистемному давлению на власть в реализации своих интересов.

Политическое влияние противоположного социального полюса, напротив, реализуется прежде всего через его электоральное влияние на выборах, где он голосует за массовые и хорошо организованные партии левой оппозиции.

В случае оформления массовой правой партийной оппозиции и ослабления партии власти может сложиться дисфункциональное политическое равновесие, при котором повышенное электоральное влияние левых партий будет блокироваться повышенным внесистемным протестным потенциалом среднего класса, находящегося пока в электоральном меньшинстве.

2.3. Два поколения бэби-бумеров и их роль в изменении социальной структуры

Если сравнить возрастную структуру российского населения в 2010 и 2020 г. (Рис. 2.19. и 2.20.), мы обнаружим, что она будет радикально трансформироваться под влиянием двух поколений бэби-бумеров. Первые - это бэби-бумеры, родившиеся в послевоенный период, они в массовом порядке будут выходить на пенсию в течение следующего десятилетия. В результате число лиц в возрасте от 60 до 69 лет возрастет более чем в 1,5 раза - с 11,3 до 17,3 млн. чел.

Вторая группа - это дети послевоенных бэби-бумеров, которые родились незадолго до начала перестройки или во время ее, когда действовали меры по стимулированию рождаемости. Они стали самой многочисленной возрастной группой из ныне живущих поколений россиян и останутся таковыми на протяжении всей своей активной жизни (как минимум до 2050 г.). Их доля в населении будет самой большой вплоть до их выхода на пенсию. Все другие поколения будут численно меньше.

возраст по 10-летним группам (лет)		год				
от	до (включительно)	2009	2019	2029	2039	2049
0	9	14,3	16,5	14,0	13,3	13,8
10	19	16,0	14,6	17,0	14,6	13,9
20	29	24,4	16,2	15,0	17,4	15,2
30	39	20,5	24,2	16,4	15,4	17,8
40	49	21,1	19,8	23,5	16,3	15,5
50	59	20,8	19,1	18,4	22,0	15,5
60	69	11,3	17,3	16,2	16,0	19,2
70	79	9,6	7,8	12,7	11,9	12,0
80	89	3,5	4,2	3,6	6,3	5,8
90	99	0,3	0,6	0,7	0,7	1,2
100 и выше		0,02	0,03	0,05	0,07	0,07
всего		141,8	140,3	137,6	133,9	130,0

Рис. 2.19. Демографический прогноз по 10-летним группам

Источник: расчеты Т.Г.Омельчук с использованием прогноза Росстата.

Демографическая пирамида на 1.01.2009

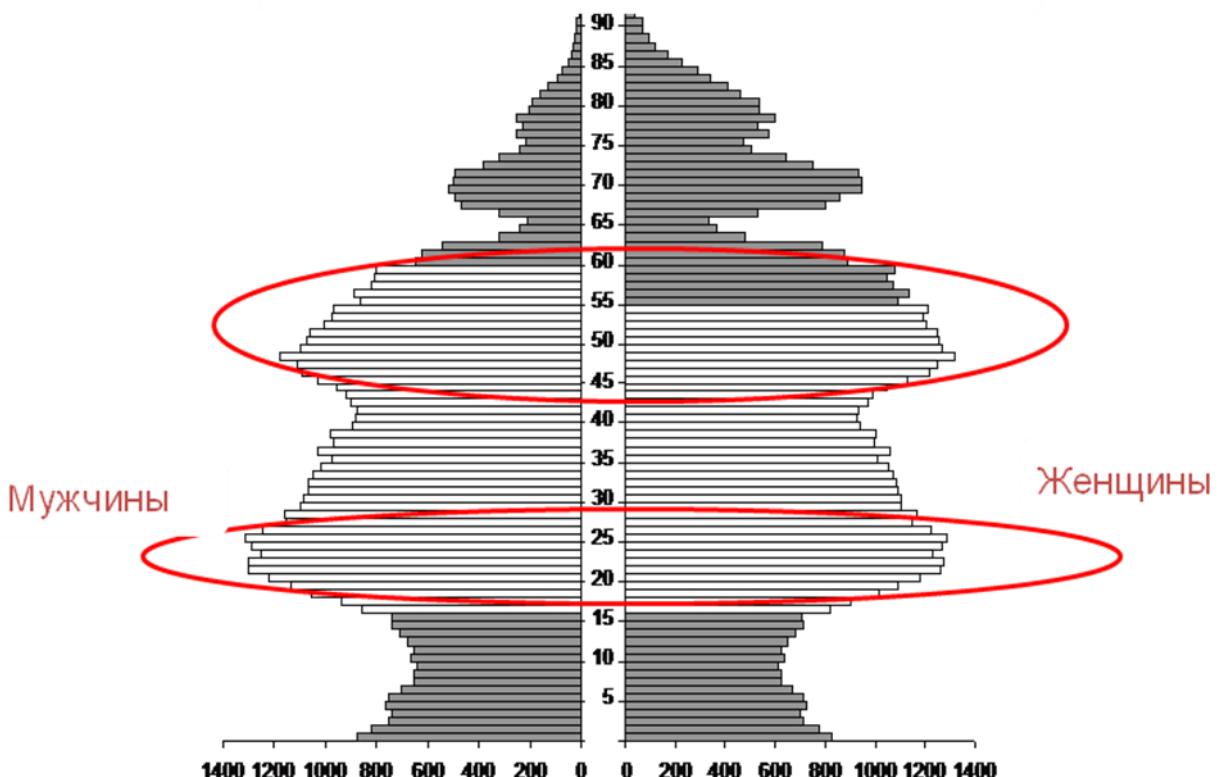

Рис. 2.20. Два поколения бэби-бумеров

Источник: Росстат.

В 2010-х гг. многочисленное второе поколение бэби-бумеров вступит в наиболее продуктивный профессиональный возраст от 30 до 39 лет. В результате к 2020 г. численность населения в возрасте от 30 до 39 лет возрастет почти на 4 млн. чел., в то время как во всех других группах трудоспособного населения она упадет более чем на 11 млн. чел.

Пока второе поколение бэби-бумеров - это в основном студенческая молодежь, но в ближайшие 10 лет она вступит в зрелый трудоспособный возраст и, что важно, обзаведется семьями. Они вступают в период активной профессиональной самореализации, их доля в населении будет значительно выше, чем доля бэби-бумеров - пенсионеров, то есть 17,2% против 12,3%.

Названные количественные изменения - это не просто изменения численности определенных возрастных групп. В процессе этого изменения у представителей обоих поколений бэби-бумеров изменится социальное положение, а вместе с ним и их политические запросы.

Поколение, которое будет выходить на пенсию в ближайшие 10 лет, не имеет значительных финансовых сбережений, пенсионных накоплений (в частности, они исключены из участия в обязательной накопительной пенсионной системе) и располагает ограниченными имущественными активами. Менее 10% из них имеют крупные накопления, достаточные, чтобы прожить не менее года. В силу уравнительного характера распределительной пенсионной системы большинство из них будет выходить

на пенсию, не намного превышающую прожиточный минимум в соответствующих субъектах Российской Федерации. В результате даже те из них, кто мог бы быть причислен к категории среднего класса до выхода на пенсию, но перестал работать, не имеет возможности сдавать в аренду недвижимость и получать финансовую помощь от родственников, начнут вымываться из состава среднего класса.

Коэффициент замещения (соотношение пенсии и заработной платы) оказывается у представителей высокодоходных групп населения, преобладающих в составе среднего класса, значительно ниже, чем у менее высокооплачиваемых работников (Рис. 2.21.). Для работников с зарплатой в 3-4 раза выше средней по стране индивидуальные коэффициенты замещения падают до 10-12% против 40% для работников с заработной платой в 2 раза ниже средней. В этом состоит одна из причин, по которой и сегодня доля среднего класса в населении старше 60 лет оказывается в почти в 3 раза ниже, чем в средних возрастных группах (Рис. 2.22).

Вымывание поколения бэби-бумеров из состава среднего класса по мере выхода на пенсию приведет к тому, что возрастет количество пожилых людей, политическая мотивация которых перейдет в плоскость получения дополнительных трансфертов от государства, поскольку они не имеют возможности получать доходы за счет капитала и за счет иных форм рыночной активности. Поэтому, скорее всего, они будут «леветь» в своих политических установках.

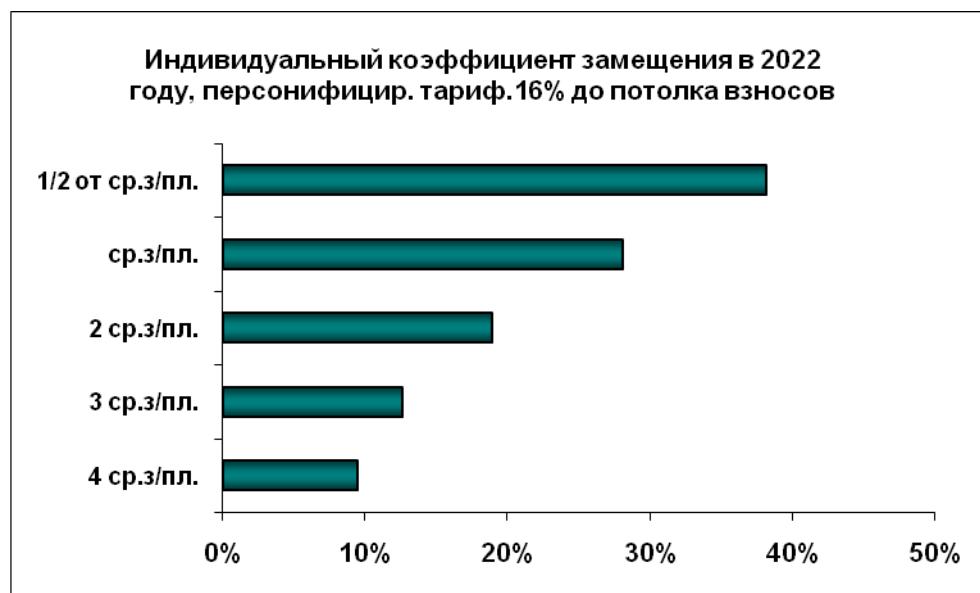

Рис. 2.21. Индивидуальные коэффициенты замещения для заработных плат разных размеров по отношению к средней заработной плате в стране

Источник: расчеты Т.Г.Омельчук

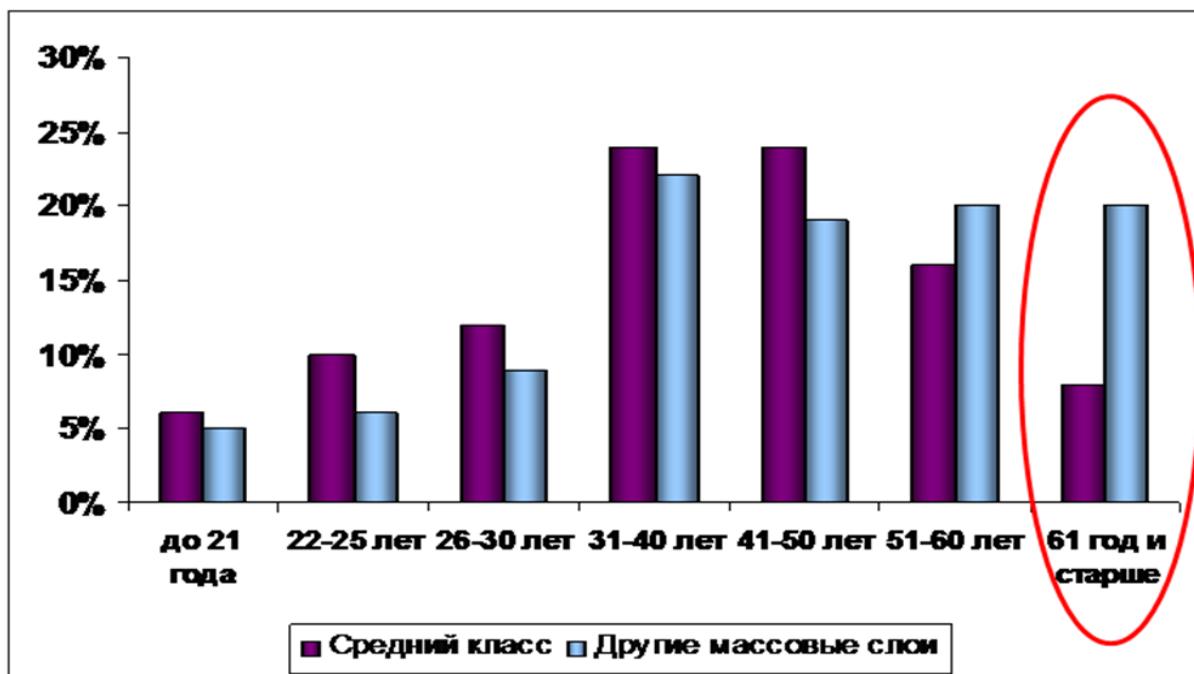

Рис. 2.22. Возрастное распределение среднего класса и других массовых социальных слоев

Источник: Н.Тихонова

Что касается более молодой прослойки бэби-бумеров, то оценки Центра трудовых исследований НИУ «Высшая школа экономики» показывают, что доля лиц с высшим образованием среди них достигнет к 2020-м гг. уровня 65-70%, превышая в 2 и более раза значение этого показателя в других возрастных группах. По данным Росстата, распределение заработных плат по возрастам уже сейчас показывает самые высокие заработные платы в возрастной категории 30-34 года (Рис. 2.23). Следовательно, в зрелом возрасте значительная часть молодой прослойки бэби-бумеров попадет в категорию профессионалов, чьи социальные позиции и источники доходов позволяют им легко войти в категорию среднего класса. Российское поколение «молодых» бэби-бумеров в основном окажется в категории среднего класса по уровню своего потребления, в том числе и потому, что оно вступает в активный трудовой возраст на фоне резкого сжатия предложения на рынке труда. Численность трудоспособного населения будет снижаться в среднем примерно по 700 тыс. чел. в год, что приведет к общему сокращению численности трудоспособного населения за 10 лет на 7 млн. чел. На этом фоне материальная отдача от труда будет возрастать. Люди с хорошим образованием на пике своей профессиональной активности в условиях дефицита рабочей силы будут иметь возможность максимизировать отдачу на свой человеческий капитал, трансформировав его в высокий текущий заработок.

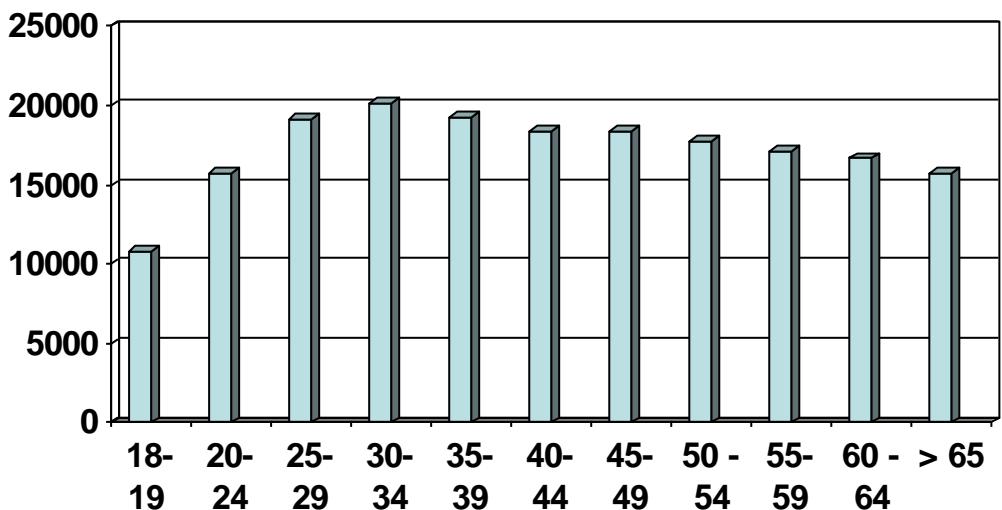

Рис. 2.23. Возрастной профиль заработной платы в 2009 году
Источник: Росстат

Социологические исследования жизненных установок российской молодежи привели к несколько пессимистичному выводу, что единственное существенное отличие этого поколения от людей советской эпохи состоит в том, что новое поколение значительно более квалифицированно в потребительском отношении. Других отличий обнаружить не удалось. Такой результат с исследовательской точки зрения не так уж плох, поскольку сама по себе квалификация потребителя - вещь совсем неплохая. Ее отсутствие у многих советских людей оборачивалось потребительскими ошибками, порой очень дорогостоящими, которые причиняли вред как самому человеку, так и его семье.

Вместе с тем, не оставляет ощущение, что этот результат слишком мал по сравнению с поставленной задачей и затраченными ресурсами. Представляется очевидным, что если проводить новые исследования, то вопрос нужно ставить в динамике. Многие социологи и психологи пишут, что новое поколение долго сохраняет инфантилизм. Возможность такой инфантильной задержки опирается на определенные ресурсы: отсутствие детей, возможность получать помощь от родителей, нерастраченный потенциал здоровья, молодежные образовательные программы.

Однако через 10-15 лет жизненная ситуация этих молодых людей кардинально изменится. Многие из них обзаведутся семьями, станут родителями, приобретут профессию и квалификацию. С другой стороны, какая-то часть молодежи может пройти по пути дезадаптации. Прогнозировать этот процесс трудно. Если говорить о поколении, которому в 2001 г. было 20–25 лет, то ныне, в 2011 г., согласно опросам Левада-Центра, дезадаптировалась (т.е. ухудшила свое положение) примерно четверть из них. Прочие 75% не ухудшили свое положение, из них 60% - улучшили.

Еще более оптимистичны в этом плане результаты зарубежных исследований. Социолог Джон Миллер (США), один из авторов опубликованного недавно доклада «Поколение Икс», пишет, что это

поколение, якобы состоящее из угрюмых социопатов и разочарованных невротиков, на поверку оказалось поколением семейных трудоголиков, много читающих и ведущих активный образ жизни. Согласно данным масштабного социологического мониторинга, который продолжается уже четверть века, большинство иксеров ведут активную, сбалансированную и счастливую жизнь. Они общественно активны, в большинстве своем удовлетворены своей работой и умеют эффективно совмещать профессиональные и семейные обязанности с личным досугом.

Главный стереотип, развенчанный исследованием, - это представление об иксерах как поколении лентяев и профессиональных лузеров. Согласно социологам, все обстоит с точностью до наоборот: по сравнению с более старшим поколением поколение Икс оказалось настоящим трудоголиком, посвящая работе и профессиональному общению большее количество часов, чем среднестатистический взрослый американец старше 45 лет (*Рис. 2.24*). Развенчен был также миф о том, что поколение Икс патологически неспособно создать крепкую семью: две трети иксеров состоят в официальном браке, а 71% пар имеют детей. Притом эти семьи вполне благополучны, а не «дисфункциональны» — еще одно расхожее словечко, описывающее семейное самочувствие «поколения Симпсонов»: три четверти родителей-иксеров помогают своим детям делать уроки, притом 43% тратят на это пять и более часов в неделю.

Еще одним развенчанным стереотипом стала гражданская и социальная инертность поколения Икс: на протяжении многих лет около 30% опрошенных принимали активное участие в деятельности профессиональных и бизнес-союзов, гражданских и общественных объединений.

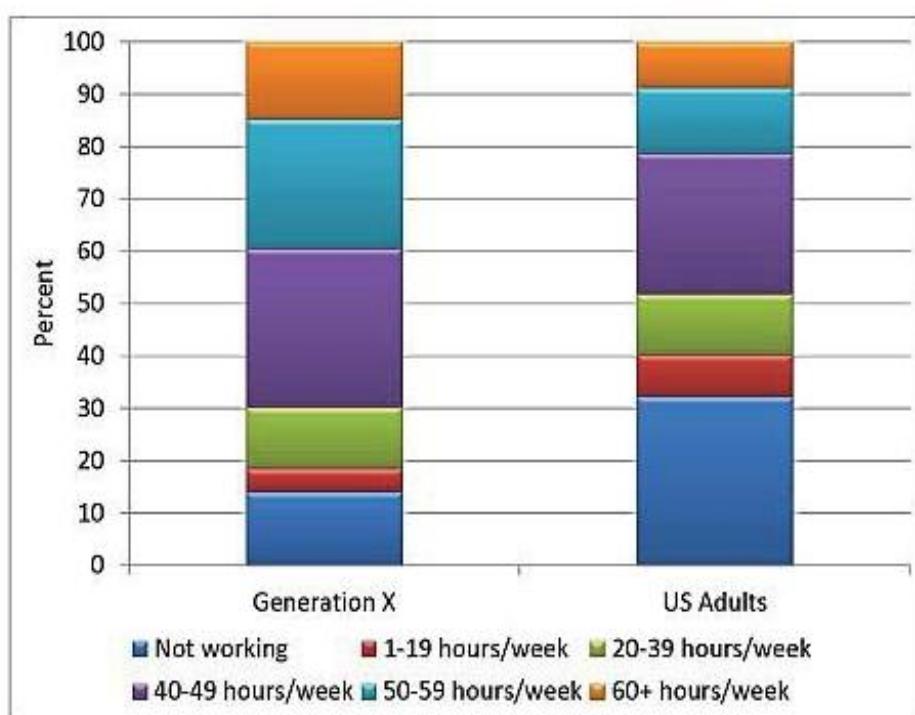

Рис. 2.24. Графики трудовой занятости Поколения Икс (слева) и более взрослых американцев

Блоки снизу вверх: голубой -- процент не работающих, красный - работающих 1-19 часов в неделю, зеленый - 20-39 часов, фиолетовый - 40-49 часов, синий -- 50-59 часов, оранжевый -- 60 и более часов в неделю.

Источник: http://www.gazeta.ru/science/2011/10/26_a_3812970.shtml

Таким образом, исходя из результатов российских и зарубежных исследований, есть все основания считать, что новое поколение россиян, входящее в трудоспособный возраст, в своей массе не превратится в «лузеров», а образует полноценный средний класс, характеризующийся активной жизненной позицией, высокими профессиональными навыками и достаточно высокими доходами.

В результате к концу десятилетия социальная поляризация российского общества приобретет еще более выраженный межпоколенческий характер. Кроме того, усилится и пространственная поляризация. На Рис. 2.25. показаны миграционные намерения молодых бэби-бумеров, живущих в малых и средних городах. Большинство из них намерено уехать из родного города, чаще всего с целью получения образования. Как правило, они не предполагают вернуться обратно. Большинство этих людей после получения образования останется жить в крупных городах, где и сейчас живет основная часть представителей среднего класса (Рис. 2.26.).

В настоящий момент доля возрастных когорт от 20 до 30 лет составляет около четверти (трудоспособного) населения страны, однако в крупных городах доля этих возрастных групп составляет уже около одной трети,- в частности потому, что молодежь приезжает туда для получения высшего образования.

С политической точки зрения, молодежь, проживающая в крупных городах, политически пока себя не проявила. Рейтинги голосования за «Единую Россию» в этой группе самые высокие, хотя явка на выборы – самая низкая. Вместе с тем, отдельные молодежные политические акции (например, события на Манежной площади 4 апреля 2011 г.) показывают, что молодежь может быстро политически радикализоваться. Об этом же говорит быстрая радикализация активных пользователей интернета, в основном представленных молодежью. Если тенденция к политической радикализации молодежи усилится, то молодежные протесты могут стать ключевым элементом внесистемного политического давления на власть.

Рис. 2.25. Миграционные намерения молодых бэби-бумеров из малых и средних городов

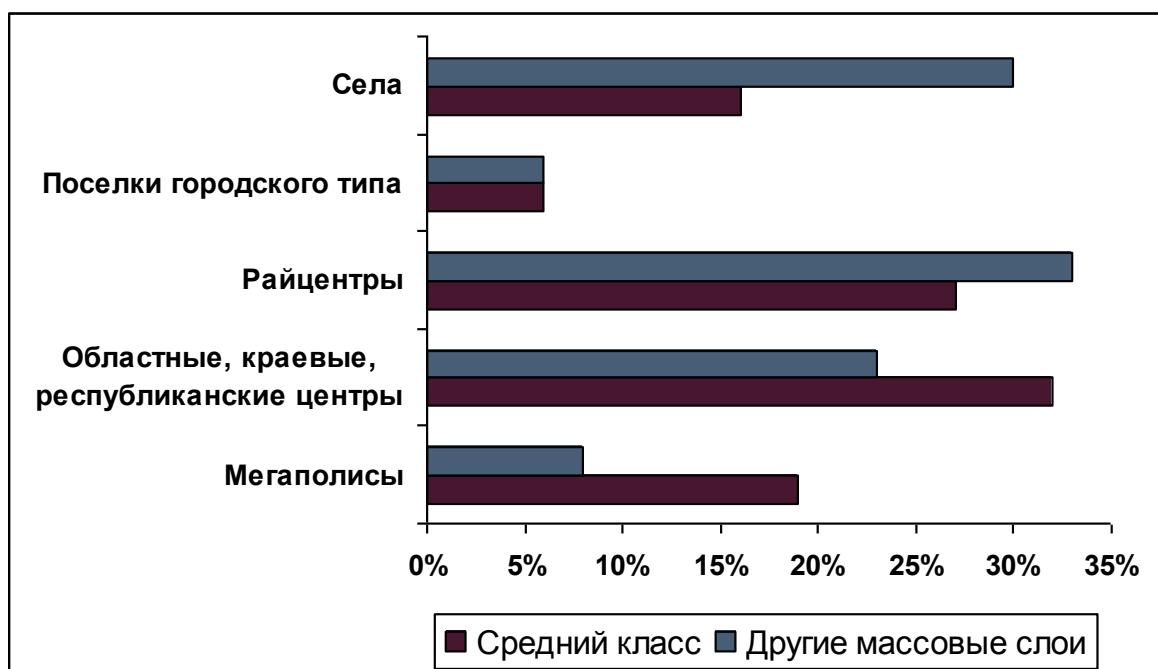

Рис. 2.26. Распределение среднего класса и других массовых социальных слоев по типам населенных пунктов

Источник: Н.Тихонова

С учетом описанных выше межпоколенческих сдвигов мы провели прогнозные расчеты, основанные на достаточно консервативном сценарии роста ВВП и доходов населения. Согласно полученным оценкам, к 2019 г. доля населения, относящегося к среднему классу, возрастет с 26 до 33%, а во взрослом населении – с 33 до примерно 45%. При этом подавляющая часть населения крупных городов (60-70% взрослого населения) окажется в категории среднего класса. Фактически это означает, что к 2020 г.

абсолютное большинство взрослого населения страны будет принадлежать к среднему классу или его ближайшей периферии.¹⁵ Прирост численности противоположного социального ядра и потери численности среднего класса в связи с выходом на пенсию старшего поколения бэби-бумеров с избытком компенсируются быстрым приростом численности среднего класса в средних трудоспособных возрастах.

Следует отметить, что проведенные расчеты не учитывали возможного в этот период повышения пенсионного возраста. Если он начнет постепенно повышаться, это еще более замедлит тенденцию размывания среднего класса в старшем поколении бэби-бумеров по мере их выхода на пенсию. Данный эффект возникнет как за счет переноса на более поздний срок выхода на пенсию старших бэби-бумеров, так и благодаря возможности поддерживать в этом случае более высокие размеры пенсий, чем в случае отказа от повышения пенсионного возраста. В результате к концу десятилетия произойдет дополнительное усиление численного электорального превосходства среднего класса над противоположным социальным полюсом.

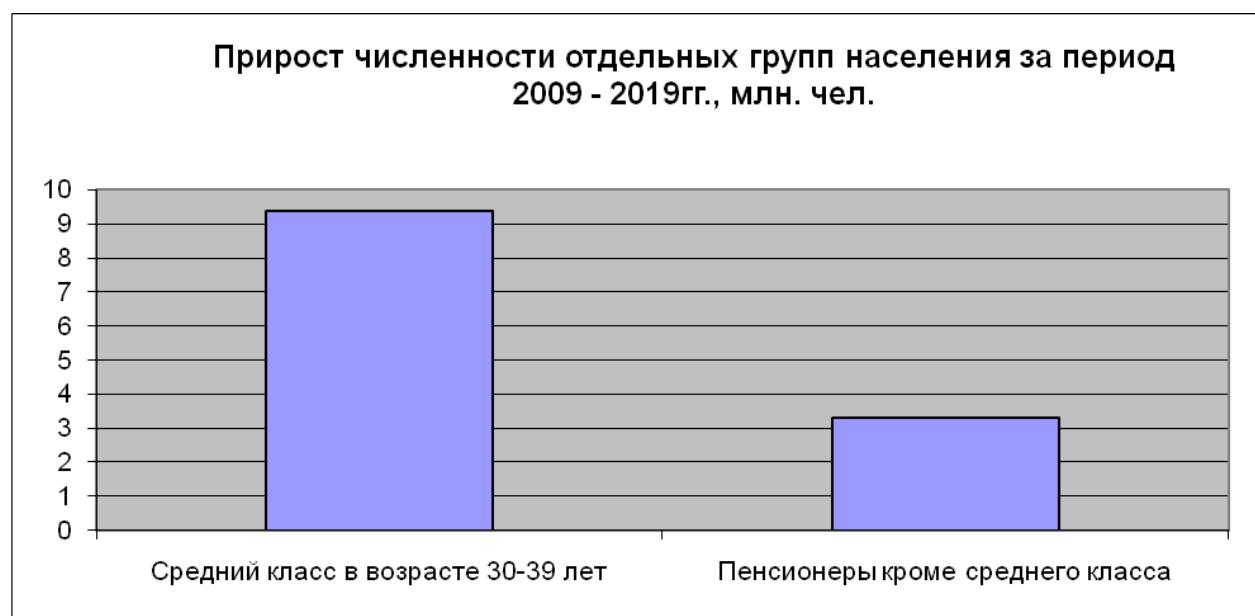

Рис. 2.27. Прогноз прироста численности среднего класса и иных групп в составе двух поколений бэби-бумеров

Источник: расчеты С.Г. Мисихиной

¹⁵ Расчеты учитывают прогнозируемое Минэкономразвития России в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» сокращение цен на нефть к 2018 году, которое приведет к нулевым (в инновационном сценарии) и даже отрицательным (в энерго-сырьевом сценарии) темпам прироста реального ВВП. Но данный кратковременный кризис лишь чуть замедлит рост среднего класса.

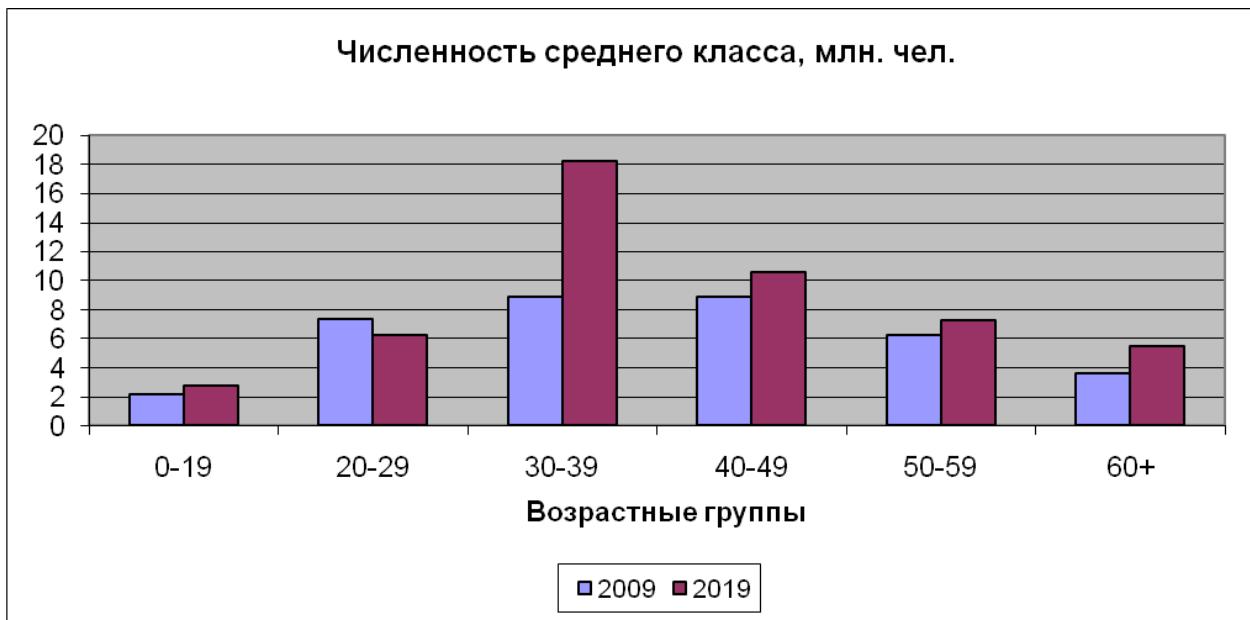

Рис. 2.28. Прогноз численности среднего класса по возрастным группам

Источник: расчеты С.Г. Мисихиной

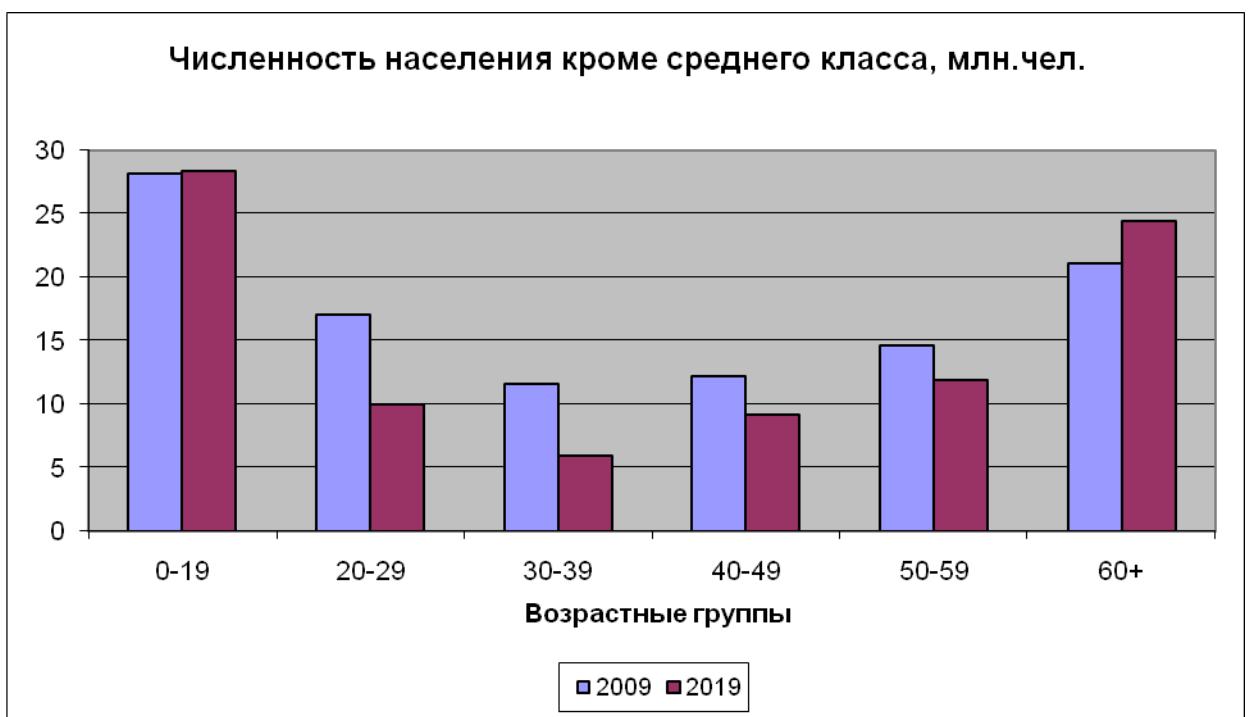

Рис. 2.29. Прогноз численности населения кроме среднего класса по возрастным группам

Источник: расчеты С.Г. Мисихиной

Основные выводы

Под влиянием долгосрочных демографических сдвигов, связанных с экономическим ростом и с переходом двух поколений бэби-бумеров в новые возрастные группы, социальная структура российского общества к концу следующего десятилетия перейдет в принципиально новое качество.

Социальная поляризация, сложившаяся к концу предыдущего десятилетия, сохранится и даже, возможно, усилится в возрастном и пространственном разрезе. Но впервые в истории страны средний класс и примыкающие к нему социальные группы составят абсолютное большинство избирателей. В крупных городах доля среднего класса составит свыше 60% взрослого населения.

В результате этих изменений партии, ориентированные на избирателей среднего класса, смогут получать большинство голосов на федеральных парламентских выборах. Левые партии, напротив, смогут добиваться большинства только в случае привлечения на свою сторону части представителей среднего класса и его ближайшей периферии. Это будет усиливать процесс межпартийной конвергенции на программной основе, обращенной к представителям среднего класса.

В свою очередь, победа на президентских выборах (в случае их демократизации) тоже потребует от кандидатов апеллирования преимущественно к представителям среднего класса. Приход к власти на конкурентных президентских выборах радикального левопопулистского кандидата в конце текущего десятилетия становится маловероятен в силу недостаточной численности избирателей с традиционистскими ценностями.

Новая расстановка социальных сил меняет баланс их политического влияния. Утрата левым избирателям численного превосходства над средним классом не будет компенсирована усиением возможностей внесистемного давления. Концентрация в крупных городах, влияние на СМИ, повышенный социальный капитал – все эти преимущества для внесистемного политического давления сохранятся за средним классом и не перейдут к противоположному социальному полюсу, политическое влияние которого будет слабеть по всем направлениям.

Данные тенденции могут привести к тому, что к концу десятилетия существенно сократятся риски для устойчивого функционирования конкурентной политической системы и усилится конвергенция политических сил вокруг доминирующего социального полюса. В этом конец 2010-х гг. может разительно контрастировать с процессами политической трансформации первой половины десятилетия. Первая же половина 2010-х гг., скорее всего, будет проходить в условиях менее устойчивого баланса общественных сил, который не позволит обеспечить устойчивое функционирование системы власти ни в режиме сохранения политической монополии, ни в формате развития политической конкуренции.

ЧАСТЬ 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

3.1. Среднесрочные политические изменения

В данном разделе мы не ставим задачу максимально полного сценарного анализа политических изменений. Наша задача состоит лишь в том, чтобы проследить, какое влияние на политические процессы могут оказывать текущие политические изменения, рассмотренные в первой части доклада, и социальные тенденции, представленные во второй части.

Как мы показали в двух предыдущих частях, существующая неконкурентная политическая система постепенно теряет способность к саморазвитию и сталкивается с проблемами размывания политической базы партии власти под влиянием социальной поляризации российского общества. При этом наблюдается старение или разрушение ключевых политических брендов и исчерпание их риторического ресурса. Традиционные механизмы политического контроля утрачивают в новых условиях необходимую гибкость и эффективность и способствуют дальнейшему ослаблению системы.

Нарастание протестных настроений на социальных полюсах является ключевым среднесрочным системным риском. Особенно опасен для системы дальнейший рост внесистемного протестного потенциала среднего класса. Он не представляет непосредственной угрозы сохранению политической системы до тех пор, пока протестная активность среднего класса не приобрела политического характера.

С учетом трудной предсказуемости протестных тенденций, в том числе неясного потенциала вовлечения в открытые протесты многочисленного молодежного населения крупнейших городов, могут быть рассмотрены два среднесрочных сценария.

Первый среднесрочный сценарий возможен при дальнейшем нарастании недовольства, когда протесты среднего класса перейдут в фазу политического активизма. В этом случае возможно формирование массовых политических партий снизу, что сделает вероятным проведение досрочных парламентских выборов.

В случае появления спроса на эффективное партийное представительство социальный капитал среднего класса в сочетании с богатым опытом внесистемной самоорганизации, доступом к интернету, СМИ и большими интеллектуальными возможностями позволит оформить массовое политическое движение в короткие сроки.

Существующая система едва ли будет способна противостоять этому давлению в ее ослабленном состоянии, со стареющими брендами и устаревшим риторическим ресурсом, низким потенциалом самоадаптации, недостаточно гибкими механизмами политического контроля.

В этом сценарии вероятно проведение, как минимум, досрочных парламентских и, с меньшей вероятностью, - президентских выборов. Результатом более свободных парламентских выборов станет существенное расширение формального политического представительства среднего класса через вновь созданные политические партии. Однако более существенным итогом послужит то, что противоположный социальный полюс реализует свое количественное электоральное преимущество, вследствие которого большинство в Думе получат левые партии.

Правительство, сформированное исходя из итогов таких выборов, вынуждено будет в условиях медленного экономического роста проводить активную перераспределительную политику, не отвечающую интересам среднего класса. Представители среднего класса вынуждены будут активно использовать внесистемные ресурсы давления для предотвращения наименее приемлемых для них мер. В результате политический процесс рискует перейти в плоскость затяжных позиционных конфликтов, парализующих работу исполнительной власти, о чем мы более подробно писали во второй части доклада.

Более того, если гипотетически представить, что в России будут проведены по-настоящему открытые и конкурентные президентские выборы, то численное превосходство левого электората открывает возможность для победы радикального левопопулистского лидера, как это неоднократно случалось в аналогичных обстоятельствах в странах Латинской Америки и странах переходной экономики (например, Уго Чавес в Венесуэле, Эво Моралес в Боливии, Александр Лукашенко в Белоруссии). Такой исход способен замедлить модернизацию политической системы и экономики и чреват обострением политических конфликтов на почве внесистемного сопротивления среднего класса.

Следует отметить, что российская политическая элита едва ли позитивно отнесется к подобному сценарию. Внутри нее появились признаки умеренной конвергенции, обусловленной сходным опытом существования в рамках рыночной экономики и вытекающим из него согласием по многим вопросам экономической и социальной политики. Поляризация общества и партий будет искусственно растягивать политическую элиту на полюса, вступая в противоречие с ее внутренними тенденциями конвергенции.

В этих условиях сохранение tandemia, в котором премьер-министр апеллирует преимущественно к среднему классу, президент – к противоположному социальному полюсу, может оказаться полезным балансирующим механизмом. Возможно, именно это имел в виду социолог Леонтий Бызов, который говорил, что в России может быть устойчивой только одна политическая конструкция: правоцентристское правительство и левоцентристский президент. Такой механизм может в какой-то мере помочь компенсировать дисфункциональность позиционных конфликтов между социальными полюсами, возникающих из-за асимметрии их политического влияния.

Однако, учитывая старение персонального бренда Путина и практически полную утрату политического бренда Медведевым, а также общую слабость риторического ресурса власти, эффективная работа тандема «президент и премьер-министр» в столь жесткой, неудобной и непривычной для них политической обстановке возможна лишь в случае хотя бы частичного и к тому же удачного обновления его персонального состава. В рамках сложившихся системных ограничений такое обновление представляется пока проблематичным.

В этой связи эффективность президента и премьер-министра в преодолении дисфункциональных политических конфликтов между двумя социальными полюсами, скорее всего, окажется недостаточной. Следовательно, в сценарии ускоренной политизации среднего класса возрастет вероятность масштабных политических кризисов с непредсказуемыми последствиями, о которых мы отчасти уже говорили в нашем предыдущем докладе.

Второй среднесрочный сценарий связан с возможным замедлением или даже затуханием роста протестной активности на обоих политических полюсах. В этом случае внекомпьютерное давление на власть будет ослабевать. В отсутствие такого давления ограниченный потенциал системы к саморазвитию приведет к консервации ее основных особенностей на среднесрочную перспективу. В этом случае процесс глубокой политической трансформации будет перенесен на конец следующего десятилетия и будет происходить под влиянием долгосрочных структурных сдвигов в российском обществе, о возможных политических последствиях которых речь идет в следующем пункте.

3.2. Долгосрочные политические изменения в условиях политической стабильности

При сохранении политической стабильности к президентским выборам 2018 г. в основном оформится электоральное доминирование среднего класса и примыкающих к нему социальных групп. В результате возникнут необходимые предпосылки для формирования устойчиво работающей конкурентной политической системы, которая включает конкурентную модель многопартийной парламентской демократии и открытую конкурентную модель выборов президента.

В этих условиях свободные парламентские выборы будут обеспечивать большинство только тем партиям, которые полностью или хотя бы частично представляют интересы среднего класса. Победа левых партий на выборах будет возможна только в случае их конвергенции к политическому центру, представленному отчасти средним классом, а отчасти его периферией.

Похожий процесс обозначился в Великобритании в 1990-2000-х гг. после периода обострения социальной и партийной поляризации в 1970-1980-е гг. После тотальной идеологической конфронтации 1980-х гг.

лейбористы и консерваторы 2010-х соревнуются в основном за то, чтобы элегантнее сформулировать политическую повестку, которой ожидают от них различные слои массового среднего класса.

В этих условиях впервые за тридцатилетнюю новейшую историю России маловероятным станет приход к власти путем свободных конкурентных президентских выборов левопопулистского лидера типа Уго Чавеса или Александра Лукашенко, способных надолго затормозить социальное развитие и дестабилизировать экономику и общество.

В этих условиях могут быть рассмотрены два сценария системной трансформации, каждый из которых в большей мере соответствует одному из рассмотренных ранее.

В обоих сценариях формат тандема утрачивает первоначальную актуальность. Выборы президента на конкурентной основе будут с высокой вероятностью обеспечивать победу одного из кандидатов, апеллирующих к среднему классу и способных проводить более или менее ответственную экономическую и социальную политику, отвечающую его ключевым интересам. Демократизация и усиление открытости процесса президентских выборов станут актуальными уже на выборах 2018 г., подобно тому, как это уже случилось в крупнейших странах Латинской Америки, включая Мексику и Бразилию.

Задача апелляции одновременно к двум социальным полюсам и обеспечение политического баланса между двумя социальными полюсами сохранится. Но, в отличие от среднесрочной перспективы, она приобретет подчиненное значение. В отличие от ситуации начала десятилетия, столь ярко выраженная асимметрия политического влияния двух социальных полюсов будет невозможна. На стороне массового среднего класса будет как численное электоральное превосходство, так и потенциал неформального влияния, поскольку его концентрация в крупных городах, социальный капитал и влияние на СМИ останутся более значимыми, чем у противоположного полюса.

Различия в двух сценариях просматриваются прежде всего в плане развития партийной системы.

Первый долгосрочный сценарий соответствует первому среднесрочному сценарию. Если к середине 2010-х гг. будет сформировано оппозиционное партийное представительство среднего класса, то, скорее всего, партию власти ожидает необратимое размывание ее центристской политической базы. В конечном счете, это приведет к ее вытеснению на периферию политического процесса и даже к распаду или поглощению, как это уже неоднократно происходило с партией власти в новейшей российской истории.

Второй долгосрочный сценарий возможен, если в первой половине 2010-х гг. средний класс не сумеет оформить эффективное массовое партийное представительство на альтернативной партии власти основе. В этом случае у

партии власти открывается возможность эволюции в сторону партии среднего класса, предоставив электорат противоположного социального полюса преимущественно левым оппозиционным партиям, но сохраняя при этом твердые шансы на электоральное большинство – самостоятельно или в коалиции с другими партиями, представляющими интересы среднего класса. Однако реализация этого сценария будет затруднена неэффективным кадровым составом депутатского корпуса «Единой России», его крайне консервативной политической риторикой (еще более консервативной, чем у первых лиц государства) и сложившимися в нем клановыми интересами.

Основные выводы

Сценарный анализ показывает, что предстоящее десятилетие разбивается на два принципиально различных периода.

В первой половине 2010-х гг. на фоне растущей социальной поляризации и партийного размежевания социальных полюсов политическая система будет находиться в неустойчивом состоянии. Для этого периода будут характерны позиционные перераспределительные конфликты между социальными полюсами, в которых численное превосходство традиционалистского электората будет нейтрализовываться повышенным внесистемным влиянием противоположного социального полюса. Неопределенность, дисфункциональность и ограниченные возможности для проведения структурных и институциональных преобразований будут характерны для обоих рассмотренных сценариев политической эволюции – для ускоренного перехода к более открытой модели партийно-политической конкуренции и для консервации существующей политической системы.

К концу 2010-гг. экономический рост в сочетании с переходом двух поколений бэби-бумеров в более старшие возрастные группы приведет к кардинальному изменению соотношения сил между двумя социальными полюсами. Впервые в истории России средний класс превратится в наиболее многочисленную социальную группу и получит количественное электоральное превосходство над противоположным социальным полюсом. При этом сохранятся и его традиционные преимущества в сфере внесистемного политического влияния.

Указанные изменения обозначат исторический рубеж, за которым неконкурентная политическая система окончательно уйдет в прошлое. Благодаря электоральному доминированию среднего класса и связанного с ним полюса модернистов наметится конвергенция политических партий в сторону предпочтений доминирующей социальной группы. Впервые станет возможным проведение по-настоящему конкурентных президентских выборов без чрезмерного риска прихода к власти радикального левопопулистского кандидата. Все политические партии и кандидаты в президенты вынуждены будут в той или иной мере апеллировать к интересам

массового среднего класса и модернистского полюса, избегая при этом радикального левого популизма. Конкурентная политическая система приобретет необходимую устойчивость и откроет достаточные возможности для проведения ответственной социально-экономической политики.

Заключение

Представленные в данном докладе аналитические результаты свидетельствуют, что на протяжении текущего десятилетия возрастает вероятность завершения полномасштабной политической трансформации России. До начала 2020-х гг. страна имеет реальные шансы пройти весь путь от системного кризиса неконкурентной политической модели до формирования полноценной и дееспособной демократической системы.

В краткосрочной перспективе (2012-2013 гг.) растет вероятность повышения темпа политических изменений в логике самоускоряющегося политического кризиса. К концу 2011 г., во многом в силу неспособности властей к действиям на опережение, сложилась критическая масса оппонентов власти на базе двух социальных полюсов и начался активный переход на их сторону пассивного большинства населения. Тем самым, возникли условия для ускорения роста внесистемной оппозиции и ее консолидации.

Повышенный внесистемный протестный потенциал полюса модернистов будет асимметрично усиливаться электоральным весом и системным партийным представительством более многочисленного традиционалистского полюса. Выборы, ошибки в экономической политике и ряд других событий могут служить катализаторами для радикализации оппонентов власти, что повышает риск перехода кризиса в фазу открытой политической конфронтации.

В среднесрочной перспективе, по меньшей мере до середины текущего десятилетия, можно ожидать снижения устойчивости и падения эффективности политической системы при ограниченных возможностях для проведения ответственной социально-экономической политики. Это будет происходить вне зависимости от того, завершится ли текущий кризис переходом к более конкурентной политической модели или на некоторое время продолжит существование сложившаяся неконкурентная модель.

Растущая социальная поляризация лишает устойчивости монополизированную политическую систему и повышает вероятность демократизации. Но по мере развития политической конкуренции будет происходить размежевание политических партий по социальным полюсам. При этом усиливается риск возникновения патовых ситуаций, когда повышенное электоральное влияние ядра традиционалистов будет блокироваться внесистемным протестным потенциалом ядра модернистов, находящегося в численном меньшинстве.

В долгосрочной перспективе, к концу текущего десятилетия, могут сложиться предпосылки для становления полноценной и дееспособной демократической системы, включая возможность проведения уже в 2018 г. открытых и конкурентных выборов президента.

Впервые в истории России экономический рост в сочетании с переходом двух поколений бэби-бумеров в более старшие возрастные категории превратит средний класс и связанное с ним ядро модернистов в

самую многочисленную социальную группу. Полюс модернистов получит количественное электоральное превосходство над противоположным социальным полюсом, но при этом сохранит и свое традиционное внесистемное политическое влияние.

Благодаря электоральному доминированию полюса модернистов наметится конвергенция политических партий в сторону его предпочтений. Впервые станет возможным проведение по-настоящему конкурентных президентских выборов без чрезмерного риска прихода к власти радикального левопопулистского кандидата. Демократическая система приобретет необходимую устойчивость и откроет более благоприятные возможности для проведения ответственной социально-экономической политики.

Таким образом, к концу текущего десятилетия Россия получит хорошие шансы преодолеть исторический рубеж, за которым неконкурентная политическая система окончательно уйдет в прошлое.